

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА

«ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология
очной формы обучения, группы 02031508
Землянкиной Марины Игоревны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Полонёва М.В.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Народная Россия в творчестве русских писателей XIX века	7
1.1. Изображение народной жизни в произведениях предшественников и современников Н.С. Лескова.....	7
1.2. Тема народа в творчестве Н.С. Лескова.....	1
	4
Глава 2. Повесть Н.С. Лескова «Житие одной бабы» как отражение трагической судьбы русского народа	2
	6
2.1. Повесть «Житие одной бабы» – отклик на крестьянскую реформу 1861 года.....	2
	6
2.2. Проблема жанрового определения произведения, его основной конфликт.....	3
	1
2.3. Образная система повести.....	3
	8
2.4. Настя Прокудина как узловый образ повести. Поэтика заглавия.....	4
	5
2.5. Средства изображения народной жизни в повести Н.С. Лескова.....	5
.....	3
Заключение	6
	1
Библиографический список	6

ВВЕДЕНИЕ

Н.С. Лесков родился и вырос в Орловской губернии в селе Горохово. С самого детства писатель наблюдал за жизнью народа, поэтому в круг его интересов впоследствии вошли не только литературное творчество, но и этнографические исследования.

К моменту начала литературной деятельности у Лескова сформировались идеологические взгляды, которые были вызваны сложной общественно-политической ситуацией в стране. И увлечение этнографией, и общественные взгляды Лескова отразились в его литературных произведениях. Проблемы, касающиеся общественных ситуаций, решались с тонким переплетением описаний быта и традиций народа. Создавались особенные «лесковские» герои, которые отражали авторскую позицию.

В силу нестандартности взглядов писателя и специфики их отражения в художественных произведениях, Лесков был непонят своим временем и, как следствие, недооценён современниками.

В XX веке интерес к самобытному писателю возродился. Большое количество литературоведов посвящали свои работы исследованию творчества Н.С. Лескова.

Степень изученности темы нашего исследования можно проследить по хронологической последовательности основных работ, посвящённых Н.С. Лескову.

Одними из первых к творчеству писателя обратились Л.П. Гроссман и В.Н. Гебель, созданные ими монографии положили начало исследованиям поэтики произведений Н.С. Лескова.

Во второй половине XX века исследователей творчества Лескова стало гораздо больше. Среди них имена Л.А. Аннинского, И.П. Видуэцкой, И.В. Столяровой, которые в своих работах акцентировали внимание на общественно-политических взглядах Лескова, на их выражении в его творчестве, на эволюции художественных исканий писателя, основой их исследований стали биографический и психологический методы; В.Ю. Троицкого, который в своей работе «Лесков – художник» впервые обращается к анализу особенностей стиля Н.С. Лескова, указывает на характерные черты его творчества; В.Е. Хализева, О.Е. Майрова, А.А. Кретовой, объектом исследования которых стали «праведнические» произведения Н.С. Лескова; А.А. Горелова, Б.С. Дыхановой, которые зародили интерес к «народным» произведениям Лескова, их фольклорной составляющей.

В XXI веке отечественное «лескововедение» продолжает развиваться, появляются как новые работы исследователей, так и новые аспекты рассмотрения творчества писателя. Основными проблемами, к которым обращаются современные учёные, стали фольклорные мотивы в творчестве писателя (С.И. Зинкевич, Н.А. Филатова); интерпретация Лесковым жанров древнерусской литературы (Г.А. Шкута). Но особый интерес представляют работы, посвящённые своеобразию описания народа в произведениях Лескова (И.В. Поздина, А.Д. Колосова и др.).

Специфика изображения народной жизни рассматривается на примере многих произведений Лескова, в большинстве своём комплексно, но повесть «Житие одной бабы» занимает в подобных исследованиях центральные позиции, именно эту повесть рассматривают как образец произведений о наро-

де. С каждым годом количество работ, посвящённых «Житию одной бабы», возрастает, тенденция к её изучению набирает обороты. Но, занимаясь проблемой народности произведения, опираясь на фольклорные составляющие, не все учёные обращаются к истории создания данного художественного текста, к ценностной ориентации повести, к её комплексному анализу, опирающемуся на общую идейно-художественную концепцию Н.С. Лескова. Это и определило наш интерес к теме исследования и обусловило его **актуальность**.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при изучении творчества Н.С. Лескова в школьном и вузовском курсах истории русской литературы.

Объект исследования – повесть Н.С. Лескова «Житие одной бабы».

Предмет исследования – средства изображения народной жизни в повести Н.С. Лескова.

Цель работы – выявить особенности изображения народной жизни в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы».

В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи**:

- 1) проанализировать работы историков литературы, посвящённых творчеству Н.С. Лескова;
- 2) выявить связь повести Лескова с общественно-политической ситуацией в России середины XIX века;
- 3) рассмотреть сюжетно-композиционную структуру произведения, дать характеристику основному конфликту повести;
- 4) охарактеризовать образную систему повести;
- 5) рассмотреть жанровую специфику «Жития одной бабы»;
- 6) выявить приёмы, использованные писателем для правдоподобного изображения крестьянской жизни.

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический, структурный, сравнительный, типологический **методы**.

Апробация работы: основные положения исследования были представлены на XI Международном молодёжном форуме «Белгородский диалог – 2019: проблемы истории и филологии» (г. Белгород, 2019 г.).

Композиционно выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обозначена актуальность работы, определены цель, предмет, объект, практическая значимость и основные задачи исследования.

В первой главе речь идёт о проблеме изображения народной жизни в произведениях писателей XIX века, выявляются подходы к решению данной темы в творчестве Н.С. Лескова, его предшественников и современников.

Во второй главе предпринята попытка анализа сюжетно-композиционной организации, образной системы и жанровой специфики повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы».

В заключении содержатся основные выводы проведённого исследования.

ГЛАВА 1. НАРОДНАЯ РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

1.1. Изображение народной жизни в произведениях предшественников и современников Н.С. Лескова

Русская литература XIX века представляет собой важнейший пласт мировой литературной сокровищницы. Начиная с А.С. Пушкина, отечественная литература навсегда закрепила свой статус в числе лучших литератур мира. И на протяжении всего «золотого века» подтверждала его творчеством таких «титанов» русской словесности, как Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и другие великие русские имена.

Необходимо сказать о том, что в XIX веке в России сложились такие общественно-исторические условия, которые стали плодородной «почвой» для создания оригинальной русской литературы. Влияние отечественной литературы в мире во многом обусловлено кругом проблем, на которых сосредоточили своё внимание русские писатели.

Основные проблемы, волновавшие писателей XIX века, касались, в первую очередь, социального неравенства различных слоёв общества. Так, проблема «маленького человека» стала одной из ключевых в творчестве Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина, эту проблему также рассматривали и Ф.М. Достоевский, и А.П. Чехов. В русской литературе нет произведения, в котором не поднимались бы нравственные проблемы, волнующие человечество на протяжении всей истории его существования.

Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России в XIX веке, побудила писателей обратиться к одной из самых серьёзных и насущных проблем того времени – к вопросу о крепостном праве. Вопрос положения крестьян в ближайшем будущем будоражил умы именитых русских классиков.

Тесно с проблемой крепостничества соприкасается проблема крестьянской жизни. Писателей интересуют крестьянский быт, традиции и нравы деревенских жителей. При этом нельзя не отметить, что все произведения, посвящённые данной тематике, имеют огромное значения для формирования полноценной русской мировоззренческой картины мира, так как авторы указывали на то, что сокровенная и незыблемая духовность русского человека зарождается именно в народной среде, именно простой деревенский житель является настоящим выразителем великой русской души.

Один из ведущих критиков XIX столетия В.Г. Белинский также отмечал важность произведений «народной» тематики, их социально-общественное значение: «Только та литература есть истинно народная, которая, в то же время, есть общечеловеческая; и только та литература есть истинно человеческая, которая, в то же время, есть и народная. Одно без другого существовать не должно и не может» [Белинский 1979: 281]. Таким образом, писатели, говорившие о нравах и ценностях русского народа, охватывают сразу и общечеловеческие категории нравственности.

Интерес к изображению народной жизни наблюдается ещё в классицистической и сентиментальной литературе XVIII века.

Первым, кто обратил внимание на внутренний мир простого крестьянина, был Н.М. Карамзин. Его повесть «Бедная Лиза» выдвинула положение о том, что крестьянские девушки могут быть утонченными, нежными, умными и мечтательными натурами, могут преданно любить. И самое главное, что подчёркивает автор, что их таковыми взрастила природа, именно единение с природой делает крестьянок такими. Но повесть Карамзина ещё мало касается быта и особенностей народной жизни, объектом его описания является крестьянская душа. Это можно объяснить направлением, к которому принадлежал Карамзин, ведь для сентиментализма первичным является описание внутренних, чувственных переживаний героя.

Вслед за Карамзиным к крестьянской теме обратился А.Н. Радищев. Писатель был продолжателем радикально настроенных идей Н.И. Новикова и В.В. Капниста, поэтому его произведения имеют ярко выраженный революционный характер. Одним из важных произведений в творческом наследии Радищева является «Путешествие из Петербурга в Москву», которое стало «вершиной общественной мысли в России XVIII века» [Орлов 1991: 232]. В основе произведения – идея «о свободе», которая связана с проблемой крепостничества. Радищева интересует крестьянская судьба в будущем. Он видит светлое будущее государства только в том случае, если произойдёт отмена крепостного права и все граждане станут равны. Эти идеи возвращены просветительскими взглядами Радищева, согласно которым человек должен рождаться и быть свободным. Но в России этим естественным правом человека пренебрегают. Против таких понятий и законов государства выступает Радищев в своей книге. Революционный посыл задаётся эпиграфом: «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» [Радищев 2002: 2], тем самым он даёт своё поэтически-метафорическое обоснование самодержавию, называя его чудовищем, от которого необходимо спастись. А.Н. Радищев в своей книге описывает те бесчинства, которые происходят из-за бездействия власти и акцентирует внимание на общественно-политических проблемах.

Проблема крепостного права «перекочевала» в литературу XIX века и стала одной из ключевых среди поднимавшихся в произведениях писателей «золотого» века.

Народную жизнь в полноте её быта и обычаев изобразил в своих произведениях Н.В. Гоголь. Неслучайно сторонник революционной демократии Н.Г. Чернышевский отмечал, что «давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России» [Чернышевский 1974: 430].

Н.В. Гоголь действительно был близок народу. Цикл его произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки» наполнен искренней любовью к своему народу. Писатель мастерски изобразил народные поверья и обычаи, празднества и обыденную жизнь со всей её колоритностью и своеобразием. Л.Н. Степанов резюмировал значение Н.В. Гоголя в русской литературе следующими словами: «Величие Гоголя – в беспощадной правде, которую он сказал о современном ему крепостническом обществе, в горячей и преданной любви к своему народу, в художественном совершенстве его произведений» [Степанов 1955: 131].

Тему, начатую предшественниками, продолжили развивать представители «натуральной школы». Среди них В.И. Даль, избравший для своего творчества очерковый жанр, в котором он правдиво описывал народную жизнь. «Картины русского быта» – сборник очерков, в котором воплотились эстетические установки Даля, заключающиеся в стремлении нарисовать картину жизни всех сословий России. При этом особенности крестьянской жизни изображались Далем через использование в тексте элементов живой речи, пословиц и поговорок, которые передавали самобытность русской деревенской речи и создавали эффект правдоподобия.

Д.В. Григорович избрал другой путь в изображении жизни простого народа. Особенностью его повестей «Деревня», «Антон Горемыка» является «...пристальное внимание на внутреннюю драму человека из народа», при этом «...в центре его повествования стоит личность отдельного крестьяни-

на», которая «...изображается <...> как нечто исключительное» [Лебедев 1977: 9]. Для Григоровича описание внутреннего мира крестьянина было важнее, чем социально-бытовые зарисовки.

В дальнейшем писатели стремились уйти в произведениях о народной жизни от индивидуализации героя, старались рассмотреть всю панораму крестьянской жизни, при этом не теряя индивидуальность каждого представителя этого сословия. Такую попытку предпринял А.Ф. Писемский в своей книге «Очерки из крестьянского быта». «Однако народные герои Писемского остаются по-прежнему в «частной» ситуации: у каждого из них <...> свой жизненный путь, с широкими проблемами народной жизни не соприкасающийся» [Лебедев 1977: 9-10].

Ещё одним писателем второй половины XIX века, которого увлекала крестьянская жизнь, был И.С. Тургенев. Неприятие крепостного права, сочувствие к трудностям народа, гуманные идеи Тургенева побуждали его к созданию антикрепостнических произведений. В наибольшей степени убеждения «непримиримого врага цепей» [Некрасов 1981: 189] были выражены в поистине уникальной книге «Записки охотника». Произведение представляет собой значимый источник о жизни и судьбах самого многочисленно населения – крестьян. В «Записках охотника» поднимаются важнейшие для того времени проблемы разрушающего влияния тогдашнего общественно-политического строя на народную жизнь и своеобразия национального характера. И.С. Тургенев первый, кто правдиво и всесторонне описал крестьянскую жизнь, первый, кто показал читателю, чем и как живёт человек в деревне, а специфика предпринятого им описания народной жизни заключалась именно в реалистичном показе жизни крестьян и поведения помещиков, поэтому его произведения напоминают «отпечатки» реальной жизни. В этой связи А.К. Бабореко в статье, посвященной «Запискам охотника», высказывает мысль о том, что «Тургенев с беспощадной правдивостью изображает дикость нравов, жестокость и самодурство крепостников» [Бабореко 1959:16]. Учёные-литературоведы с восторгом и уважением отзывались о его

книге, подчёркивали огромную историко-общественную значимость и важность произведения. Творчество И.С. Тургенева ещё больше сподвигло его современников сфокусировать своё внимание на особо острой проблеме крепостного права.

Одним из уникальнейших писателей того времени был Н.А. Некрасов, который посвятил огромное количество произведений горькой доле русского мужика, русской женщине-крестьянке и крестьянским детям. Особое место в творчестве Н.А. Некрасова занимает тема крепостничества, судьба русских крестьян. Написанная после отмены крепостного права, поэма «Кому на Руси жить хорошо» представляет панораму крестьянской жизни. Основная проблема произведения – положение крестьян после реформы об отмене крепостного права. В поэме лейтмотивом проходит вопрос о том, что народ освобождён, но изменилось ли что-нибудь, счастлив ли крестьянский мужик в новых условиях, стало ли легче жить крестьянским женщинам? Именно на эти вопросы хочет найти ответы Н.А. Некрасов и поэтому отправляет «своих» мужиков в странствие по родной земле. К большому сожалению, и писатель, и его герои, и читатель осознают в итоге несостоятельность проведённой реформы. Но при этом Н.А. Некрасов связывает надежду на светлое будущее русского народа с демократическим движением. Н.А. Некрасов написал поэму, прочно опираясь на фольклорные традиции. Построение поэмы на фольклорной основе, использование форм сказки и сказаний было выбрано автором не случайно, писатель видел в этом «средство приближения литературы к поэтическому сознанию русского крестьянства» [Беседина 2001: 36]. Фольклорные мотивы делают произведение именно народным. В поэме откристаллизовался стиль Н.А. Некрасова, его взгляд на мир и на крепостную Россию. Произведение стало «глашатаем» зарождения новых принципов и воззрений крестьян, показала перерождение русской деревни. Поэт был одним из тех деятелей искусства, которые придерживались революционно-демократических взглядов и в своих произведениях указывали на несостоятельность существующего строя. Закономерно, что большая часть произведе-

дений Некрасова предреформенного периода проникнута антикрепостническим пафосом. В каждом стихотворении «угадывается настроение горечи, застенного гнева, тревожного ожидания. Мысль поэта привязана <...> к тяжёлой жизни крестьянства». Важно, что Некрасов «оставался верен себе, хотя с каждым годом это становилось всё труднее» [Жданов 1971: 203], но он всегда был рядом с народом. Таким образом, литературное наследие Н.А. Некрасова представляет собой важный элемент всей демократической литературы.

Большое влияние на развитие литературы оказал в то время писатель-шестидесятник Н.В. Успенский. Он изображал народную жизнь всесторонне и без приукрашиваний. Взгляды Успенского были обусловлены состоянием эпохи, в которую он творил. Намечалась крестьянская реформа, и поэтому вопрос о жизни народа, о взаимоотношениях крестьян и помещиков был одним из самых важных, не только в литературе, но и в обществе. «Разъяснение этого дела стало уже не игрушкой, не литературной прихотью, а настоятельной потребностью времени. Без всякого шума и грома, без особенных новых открытий взгляд общества на народ стал серьёзней и осмысленней» [Добролюбов 1961: 325]. Печальный крестьянский мир волнует сознание писателя, отсюда огромное количество произведений, посвящённых крестьянской жизни. Н.В. Успенский изображает равнодушие людей друг к другу. Например, в рассказе «Старуха» описывается жизнь бедной женщины, которая вынуждена переживать своё горе в одиночестве. Название деревни в рассказе символично – Горемыкино, оно подчёркивает не только трагедию старухи, но и трагедию всей деревни в целом, в которой люди далеки друг от друга. Лейтмотивом во всех произведениях Н.В. Успенского проходит мысль о «слёзной» крестьянской России. В рассказе «Из дневника неизвестного» писатель описывает это состояние словами «на горе стояла мокнувшая деревенька, словно заливавшаяся слезами» [Успенский 1987: 82].

Н.В. Успенский не хотел идеализировать крестьянство, его задачей было дать точный снимок народной жизни, со всеми её тяготами и проблемами.

Его крестьяне то и дело думают о том, где пожить, кого подставить и что выпить. При этом народ в рассказах Н.В. Успенского воспринимает такую жизнь как должную и не собирается ничего менять, и даже не помышляет о возможном равенстве, видя в смерти единственный выход, связанный с освобождением от жизненных тягот. Народная жизнь в творчестве писателя представлена в разрозненных, единичных явлениях, в моментах действительности, которые разобщены между собой, но при этом каждый изображаемый писателем эпизод несёт в себе важную идейную функцию. Н.Г. Чернышевский сделал комплексный анализ произведений Успенского в статье «Не начало ли перемены?». Критик отмечает, что «заслуга г. Успенского состоит в том, что он отважился без всяких утаек и прикрас изобразить нам рутинные мысли и поступки, чувства и обычаи простолюдинов» [Чернышевский 1974: 1002-1003]. Чернышевский также говорит о заслугах Успенского, о его мастерстве, которое проявилось в том, что автору «удалось так глубоко заглянуть в народную жизнь и так ярко выставить перед нами коренную причину её тяжелого хода, как никому из других беллетристов» [Чернышевский 1974: 993].

Таким образом, мы видим, что тема народа была одной из главных в произведениях писателей XIX века. К жизнеописанию крестьян каждый автор подходил по-своему и расставлял нужные именно ему акценты. Однако все авторы в той или иной степени обращались к проблеме крепостного права.

Несмотря на различные подходы к описанию народной жизни, всех великих мастеров слова XIX века объединяет одно: желание показать простого, крестьянского человека; раскрыть его душу, понять его сложный духовный мир, его непростую судьбу, обусловленную общественно-политической ситуацией в стране.

Так, Н.М. Карамзин старался понять душу крестьянина, стремился показать чувства простой девушки из народа. А.Н. Радищев, Н.А. Некрасов акцентировали своё внимание на положении крестьян в связи с общественно-

политическим строем. Н.В. Гоголь взял за основу описание обыденной жизни крестьян, их традиций и обычаев, опираясь на фольклор, показал повседневную жизнь народа. И.С. Тургенев охватил в своих произведениях народный быт, его особенности, а также описал условия жизни крепостных, отыскал и показал личность в той среде, где она изначально не предполагалась. Н.В. Успенский обратился к личности крестьянина, но при этом изобразил народ, не идеализируя его.

Перечисленные авторы исходили из того, что, исследовав народную жизнь, можно понять не только один слой населения – крестьянство, но создать целостный облик государства.

1.2. Тема народа в творчестве Н.С. Лескова

Н.С. Лескову не суждено было стать в один ряд с великими классиками современности. К сожалению, его творчество не было оценено при жизни автора по достоинству. Но его признала и приняла новая эпоха, приняла то, что эпоха Лескова понять не смогла. Исследователи творчества Лескова в двадцатом столетии называют писателя продолжателем «гоголевских» традиций в классической литературе. При этом писатели и литературоведы XX века говорят об исключительном таланте Лескова. Интерес вызывает уникальность художественного мышления Н.С. Лескова, его неповторимый стиль и исключительные образы, которые он изображает в своих произведениях.

Н.С. Лесков начал свою творческую деятельность, когда в стране развивалось революционно-демократическое направление, но писатель придерживался антинигилистических взглядов и видел в идеях революционеров посягательство на нравственность и справедливость. Своё отношение к этому общественному движению Лесков выразил в двух романах: «На ножах» и «Некуда». Однако основой литературного творчества Н.С. Лескова стало воспроизведение народной жизни. Писатель продолжает плеяду авторов, писавших о народе, и занимает среди них одну из главенствующих позиций.

Описание обыкновенных людей, национальных характеров и историко-культурной атмосферы русской народной жизни представлено у Н.С. Лескова более естественно и непринужденно, нежели у его предшественников. «Отдалившись от радикальной и революционной интеллигенции, Н.С. Лесков, однако, на свой лад – тоже, образно говоря, пошёл «в народ». Он обратился к историческим глубинам мирозерцания народа, чтобы утвердить «вечные» истины, которые, ему казалось, отрицают некоторые его современники. В гуще народа искал и находил он яркие национальные характеры, живые воплощения идеи положительного героя, идеи, которая с 60-х годов "носила в воздухе"», – так охарактеризовал творчество Н.С. Лескова В. Троицкий [Троицкий 1986: 403]. Мы видим, что для писателя было важно «пойти в народ» и изнутри понять, осмыслить и описать народную жизнь.

Лесков противопоставлял крестьянский народ купечеству, видел в народе мировоззренческое ядро всей России. Как и Н. Успенский, Лесков не идеализирует изображаемых им крестьян, а показывает так, как есть, без мнимых приукрашиваний, ведь для писателя они и так являются образцом нравственности и праведности, но в то же время представляют собой ещё малообразованный слой населения, что подчёркивает их угнетённое положение. Лесков искренне сочувствует жителям русской деревни и в своих литературных «детищах» старается призвать к гуманности в отношении людей. В целом творчество Лескова «представляет, своеобразную грандиозную мозаичную картину русской жизни, единство которой создаётся пронизывающим её духом эпоса. Яркие, самобытные, выступающие в трагических ситуациях персонажи рассказов и хроник писателя всегда представляют какую-либо стихию или разом несколько стихий русской жизни» [Дергачёв 1998: 1].

Обращение к теме народной жизни наблюдается ещё в ранних рассказах и очерках Н.С. Лескова: «Погасшее дело» (1862), «Язвительный» (1863). Эти первые произведения отличаются ярко выраженной антикрепостнической направленностью. Это не случайно, так как они написаны буквально сразу после проведения реформы об отмене крепостного права. В произведе-

ниях данного периода огромное место отводится описанию быта и вещественных реалий жилища крестьян, в дальнейшем Лескова будет интересоваться внутренним миром героя, здесь же писатель демонстрирует свои глубокие знания о русской деревне и выражает своё сочувствие её жителям. Основным типом героя, изображённым на страницах ранних рассказов – это обычный русский мужик.

В «Погасшем деле» Лесков не идеализирует жителей деревни, он показывает бессилие крестьян перед своими господами, а также необразованность народа, связанную с верой во всевозможные поверья и гадания. В рассказе Лесков глубоко проникает в крестьянскую психологию, что позволяет ему объяснить действия народа. Таким образом, «Погасшее дело» представляет собой слепок с натуры. Автор изображает простого мужика, который ведёт себя в быту словно ребёнок, тем самым показывая наивность народа, которая подчёркивается разнообразными предрассудками.

Однако во всех своих ранних рассказах Лесков обнаруживает огромный потенциал внутренней силы всего крестьянского мира в целом и отдельного героя, который может противостоять внешним вмешательствам.

Специфику изображения народной жизни также можно проследить на примере сказки Лескова «Маланья – голова баранья». Жанр сказки сразу обращает внимание читателя на фольклорную основу произведения и, следовательно, народную составляющую сюжета произведения. Связь с фольклорной традицией намечается также в названии произведения. Заглавие представляет собой народную поговорку, которая настраивает на определённый лад повествования.

Сюжетная канва произведения строится по схеме традиционной народной сказки. Есть зачин, в виде описания местности, в которой находится жилище Маланьи: «в одном глухом и отдалённом месте была большая гора <...>. У подошвы горы текла река, и тут стояло селение <...>. От этого селенья шла через лес дорожка в другую деревню, а на этой дорожке в стороне на полянке стояла избушка, в которой жила бедная женщина по имени Мала-

нья» [Лесков 2002: 367]. Автор показывает отчуждение главного героя, указывает на его глупость, дурачество: «так прозвали её потому, что считали её глупою» [Лесков 2002: 367]. Описывая быт героя, Лесков в своей сказке подчёркивает небогатую жизнь народа: «у Маланьи избушка была крошечная, так что только можно было повернуться около печечки», «полы стланные» [Лесков 2002: 368], традиционные домашние занятия крестьянских женщин: «Маланья ночь не спит: то богатым бабам пряжу прядёт, то мужикам вязенки из шерсти вяжет, и мучицы, и соль заработает, и хворосту по лесу наберет – печку затопит и хлеба испечёт» [Лесков 2002: 368]. Стиль сказки разнороден: и народные поговорки, и просторечные слова – всё переплетается в тексте. Заслуга Лескова в том, что, поместив подобный сюжет в форму сказки и наполнив его основными положениями, характерными для данного жанра, он делает акцент на нравственности героев: с одной стороны, это грубые, бездуховные жители деревни, а с другой – это благочестивая, добрая Маланья и Живая Душа. Значимо то, что для Лескова Маланья не является глупой, для него она воплощение русской народной души, с её глубокой верой в Бога. В последующих рассказах и повестях Лесков перенесёт качества Маланьи на других своих героев, которые будут представителями крестьянского мира.

Изображая русского человека, обычно выходца из народа, Лесков, по мнению Н. Ангеловой, рассматривает героя с трёх позиций.

Исследователь считает, что ключом к пониманию русской души и к изображению уклада народной жизни являются для Лескова следующие качества крестьянина:

– «душа-амбар», «в трактовке Лескова русская душа многогранна» [Ангелова 2007: 43]. Лесков на протяжении всего творчества подмечает глубину и кротость души русского человека, старается не описывать плохие качества, выражаемые героем внешне, а понять внутренний мир.

– любовь: «для Лескова любовь: величайшая и всемогущественная сила, и её игнорировать нельзя» [Ангелова 2007: 57]. По Лескову, человек дол-

жен пройти испытания любовью для того, чтобы закалить в себе те моральные ценности, которые являются гарантом его нравственности.

– «полифония русской Психеи»: «русский человек в силу своего душевного склада и национального характера ощущает на уровне инстинкта недоверие к системе, и в своих поступках он больше склонен руководствоваться чувствами и эмоциями» [Ангелова 2007: 58]. Чувственность души позволяет русскому человеку испытывать весь спектр эмоций на подсознательном уровне. Такое стихийно-эмоциональное состояние некоторых героев Лескова роднит их с представителями былинного эпоса, особенность которых не столько в уме, сколько в ловкости и хитрости, в тех качествах, которые присутствуют в русском человеке на подсознательном уровне.

Мы видим, что, по мнению Н. Ангеловой, для Лескова важно было рассмотреть русского человека со всех сторон его бытия. Мы думаем, что важность обращения к душевным качествам героя продиктована тем, что нравственное составляющее человека прямым образом влияет на бытовую сторону его жизни: на поступки, на поведение в быту, на расставление приоритетов.

Однако в ранних произведениях самобытность Лескова ещё не очерчена, его стиль представляет собой некий сплав художественных достижений предшественников писателя, так «у него заметно ещё ученическое подражание Гоголю. Например, рассказ «Ум своё, а чёрт своё» о гостомельской красавице Паше носит следы влияния литературной традиции «Вечеров» Гоголя» [Гебель 1956: 128]. Но уже к началу 70-х годов, произведения Лескова приобретают нового героя – героя-праведника. «В рассказах о «праведниках» главное внимание Лескова сосредоточено на людях, которые и в самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах способны сохранить свою духовную самобытность, независимость характера, а главное – активно творить добро, вступая в неравный поединок с общим порядком вещей» [Столярова 1982: 790]. Герою-праведнику Лесков посвящает цикл произведений, среди которых «Очарованный странник», «Несмертельный Голован», «Однодум»,

«Человек на часах». В перечисленных произведениях во главе – герой, который наделён духовностью, который стремится жить «по правде» и благодаря своим благим намерениям может противостоять суровой, бездуховной действительности, расточительному безнравственному буржуазному обществу, которое начинает формироваться в России к середине XIX столетия. Новый тип героя по-другому представляет и народную жизнь. Теперь для Лескова было важно произвести комплексный анализ народной жизни, который включает в себя не только бытовое описание, но и духовное составляющее, таким образом, «герой-праведник» станет выразителем крестьянского духа.

Поиск духовного человека в деревенских жителях – это очередная попытка Лескова противостоять буржуазному миру, который способствует только омертвлению и опустошению души. Праведники Лескова могут сдерживать этот накал «бездуховного мира», они живут по высоким человеческим нормам, моральным принципам – и ничто не может надломить их мировоззренческих установок.

Важно отметить, что Лесков разграничивал традиционно принятые соотношения понятий «праведность» и «религиозность», в произведениях писателя праведник предстаёт в образе обыкновенного русского крестьянина. И этот герой-праведник является выразителем национального характера. В этой связи интересно утверждение А.А. Горелова, который отмечает в своей работе «Лесков и народная культура»: «Праведник – слово-термин у Лескова при необходимости утрачивает колорит религиозного правоверия и наполняется тревожно-парадоксальным смыслом. Праведники – те, кому труднее живётся, но кто не знает нравственной муки раздвоения помысла и слова, душевного обязательства и дела, кто хранит в народе и для народа его заветы и полностью воплощает народные идеалы...» [Горелов 1988: 251].

Для того чтобы изобразить народную жизнь целостно, правдоподобно, описывая каждую деталь, характеризующую повседневную жизнь крестьян, необходимо изучить самого русского крестьянина, его личность, что и предпринял Лесков, внедряясь в крестьянский быт. Всестороннее исследование

крестьян как отдельных индивидуумов позволило Лескову выявить несколько характеров, представленных в среде деревенского народа: герой-праведник (Сила Крылушкин «Житие одной бабы», Флягин «Очарованный странник»); герой-мудрец (Голован «Несмертельный голован»); умелец, труженик (Левша «Левша»); подлец (Костик «Житие одной бабы»).

Существенным средством изображения народной жизни в прозе Лескова служит фольклор. Лесков вслед за Гоголем обогащает свои произведения фольклорными жанрами: песнями, обрядами, пословицами, также все произведения проникнуты фольклорными мотивами, включают в себя народные предания, которые ещё глубже помогают окунуться в загадочную и мистическую жизнь русского народа. Лескова привлекают новые исследования в области устного народного творчества, он зачитывается работами А.Н. Афанасьева, который в 1860-е годы издаёт сборник сказок и былин. Для Лескова фольклор – это «мостик» к душе русского народа, это возможность понять истоки современной ему действительности.

В 1863 году Лесков создаёт повесть «Житие одной бабы», в которой впервые касается души героя и впервые демонстрирует образ героя-праведника. Образ праведника представлен в повести в лице Силы Крылушкина, но тогда автор ещё не уделял должного внимания таким героям, и в произведении они являлись выразителями народной мудрости и душевности. В 1872 году Лесков пишет роман-хронику «Соборяне». В этом новом для себя жанре писатель создаёт образ протопопа Савелия Туберозова – человека с широким сердцем, полного духовности и любви к России. На протяжении всей жизни Савелий находится в непримиримом конфликте с обществом, полным торгашей и безнравственных шутников. Протопоп предстаёт перед нами как герой, который на протяжении всего романа сожалеет об уходящей России: «О, моя мягкосердечная Русь, как ты прекрасна!» [Лесков 2017: 365]. Рядом с протопопом Савелием в романе находится герой, который олицетворяет ту самую «мягкосердечную» Россию – это Ахилла Десницын, будущий Иван Флягин. Ахилла невероятно активный, похожий на вольного казака че-

люлек. Он представляет собой Россию, которая маленькими, но уверенными шагами уходит в прошлое, в историю, уступая место новому поколению. В этом романе ещё зыбки разграничения между «праведником» в его прямом значении и праведником Лескова. Основной акцент писателя перемещён на священнослужителей, на их взгляды, на прошлое и будущее страны.

Интересно в романе описывается быт героев. Лесков подчёркивает старомодность убранства и дань малороссийским традициям. В отличие от своих предшественников, Лесков мало уделяет внимания описанию конкретных вещей, он рассматривает быт героя вкуче с жизнью этого персонажа, с его духовной организацией: «ставни никогда не закрывались, потому что отец протопоп любил свет, любил звезду, любил лунный луч» [Лесков 2017: 295]. Дома героев описываются только с внешней стороны, при этом подчёркивается их практичность.

Привлекательным в романе является и цветовая палитра, использованная автором. Практически все детали, которые представлены в тексте, имеют свою, особенную окраску, повествование, в связи с этим, становится пёстрым, колоритным и захватывающим, подчёркивается тем самым душевное богатство героев. Например, каким статным, красивым, нравственно чистым является отец Савелий, таким и рисуется его дом: «домик, выкрашенный светло-голубою масляною краской, с разноцветными звёздочками, квадратиками и репейниками» [Лесков 2017: 295]. Писателем тонко подмечается духовная чистота протопопы светло-голубым, небесным цветом его дома.

Все это многообразие цветов в каждой детали быта свидетельствует о том, что «герои Лескова видят мир маняще красочным» [Хализев 2005: 261], как дети, которые ещё не познали жестокости этого мира. Хотя герои «Соборян» уже столкнулись со многими трудностями этой жизни, они смогли сохранить «краски детства» в своей душе. Поэтому-то для Лескова важно изобразить такой характер русского человека, истинного праведника, который является выразителем не только народного духа, но и всего народного сознания в целом. Таким образом, мы видим, что каждая деталь, каждый названный

элемент в романе Лескова связан с характеристикой личности героя. Народная жизнь в этом романе представлена в лице церковнослужителей, и основным аспектом изображения народа является показ его праведной стороны.

К роману «Соборяне» примыкает произведение «Запечатлённый ангел», созданное в 1873 году. В нём жизнь народа освещается сквозь призму святости и религиозности. Основная проблема «Запечатлённого ангела» – в переосмыслении человеком истинной веры.

Переосмысленный образ героя-праведника был представлен в повести «Очарованный странник», где Лесков дал свою трактовку праведничества. Перед читателем предстал настоящий выразитель русского характера, не идеализированный, что особенно важно. Своей целью Лесков поставил изобразить героя на пути его перерождения: от грешника к праведнику. Но Иван Флягин приходит к религии только в самом конце своего жизненного пути, а праведником он стал намного раньше. Теперь «праведничество» для Лескова является неотъемлемой чертой русского характера, выразителем которого стал Иван Флягин, прошедший череду тяжёлых, порой непосильных испытаний, но от этого ставший только крепче духом и светлее внутри.

В «Очарованном страннике» Лесков описывал народную жизнь через духовное перерождение главного героя, показав, насколько тяжела и несправедлива эта жизнь, но, несмотря на это, русский человек достойно выносит все тяготы и невзгоды, крепнет духом, оставаясь верным себе и родной земле, и для него такая жизнь есть счастье. Многие исследователи отмечают двойственность характера Ивана Флягина. Эту двойственность К. Гримстад связывает с «"раздвоением личности" Флягина: он и злодей, и благодетель. Буйный, храбрый и безрассудный, он в то же время кроток, смирен и полон сострадания» [Гримстад 1998: 455]. В этом и есть исключительность русского народа, который всегда отличался резкостью и агрессией к каким-либо внешним врагам, но при этом внутри себя всегда таил святость и милосердие к окружающим его людям.

Таким образом, в повести «Очарованный странник» Н.С. Лесков изобразил своего «героя-праведника». Важно отметить, что в повести изображение народа даётся многогранно: рассматривается и со стороны историко-общественной ситуации, и со стороны народного мировоззрения, и со стороны личного восприятия этой жизни героем повести.

К концу 1870-х годов Н.С. Лесков переосмыслил свои взгляды: «под влиянием гнетущих его впечатлений от современной действительности, которая его «волнует и злит», Лесков переживает своего рода идеологический кризис, который ведет его к переоценке ценностей» [Пруцков 1980: 767-768]. Н.С. Лесков возвращается к истокам своего творчества, к тематике своих ранних рассказов. Он вновь начинает рассматривать народную жизнь с позиций демократизма, изнутри, обращая огромное внимание на индивида и быт русского простолюдина, которым становится обычный труженик и мастер своего дела.

В 1883 году Лесков издаёт рассказ «Левша» с подзаголовком «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе». Это одно из последних произведений, посвящённых крестьянскому сословию. Героем рассказа становится Левша – тульский мастер, который прославился на весь мир, подковав блоху. Специфика рассказа усматривается в его подзаголовке, Лесков вновь намекает на фольклорную природу своего произведения, указывая на его жанр.

В рассказе «Левша» мы видим человека из народа с открытой и скромной душой, непоколебимого патриота, отличающегося огромным терпением и трудолюбием.

Помимо яркого характера главного героя, в котором отражается вся смиренная и необъятная русская народная душа, Лесков изображает народную жизнь, а разговорный стиль речи, которым рассказчик описывает происходящее, не только отвечает выбранному жанру, но и придаёт произведению правдоподобие.

Многие произведения Н.С. Лескова были посвящены жизни народа. Писатель сделал своей целью понять и донести до читателя колоритный и многоликий крестьянский мир, понять душу простого народа.

Не случайно М. Горький указывал на достоверность знаний Лескова о народе: «Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Велико-россию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине – в области несколько иного быта, иной культуры <....>. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооружённый не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется "душою народа"» [Цит. по: Громову 1957: 15]. А Б.М. Эйхенбаум отмечал заинтересованность Лескова в крестьянской жизни и мастерство писателя в её изображении. Он говорил, что Лесков – «писатель, поднявший на высоту больших художественных обобщений новые, никем до него не исследованные стороны русской жизни, населивший свои книги целой толпой до него не виданных в литературе ярких, своеобразных, глубоко национальных лиц, тончайший стилист и знаток родного языка» [Громов 1957: 48].

Основными приёмами описания народной жизни, которые автор использовал в своей творческой деятельности, были специфический язык писателя, опора на фольклорные жанры, тонкий психологизм в изображении уклада жизни народа, который заключался в тесном переплетении изображения быта и внутреннего мира персонажа. Особенность изображения народной жизни Лескова заключалась в том, что «Лесков входил в литературу как изобразитель сильных человеческих натур. При этом его дар психологического исследования служил службу социальному обличению» [Горелов 1983: 628], что мы и наблюдали в упомянутых выше произведениях.

ГЛАВА 2. ПОВЕСТЬ Н.С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ РУССКОГО НАРОДА

2.1. Повесть «Житие одной бабы» – отклик на крестьянскую реформу 1861 года

Отмена крепостного права стала одним из самых значительных общественно-исторических событий второй половины XIX века. Реформа, которую долгое время ожидали крестьяне и демократически настроенные общественные деятели, отразилась во многих произведениях литературы того времени.

Произошёл скачок в культурной жизни общества, а также появилось большое количество работ публицистического характера, которые отразили «стремление к глубокому изучению, к объяснению и оценке действительности, к сближению с народом и вовлечению его в движение политической и культурной жизни, стремление <...> полнее выразить нужды и чаяния масс» [Левин 1956: 111], а «подъём освободительного движения и переход гегемонии в этом движении к новому слою – разночинно-демократической интеллигенции – во многом определили и масштабы, и направление культурных процессов» [Левин 1956: 110].

Творческая и публицистическая деятельность Н.С. Лескова не осталась в стороне от происходивших в стране перемен. Писатель никогда не был равнодушен к жизни крестьян, тем более что в этот период он примкнул к демократическому течению. Л. Аннинский так отзывался о Лескове: «...нормальный прогрессист, либерал, демократ, сторонник реформ и гласности, сторонник свободной "коммерции", сторонник немедленного освобождения крепостных крестьян. Противник удушающей российскую жизнь чиновной бюрократии, противник дикости и даже <...> обличитель тёмных сторон и язв» [Аннинский 1988: 6].

Н.С. Лесков начинает свою деятельность с публицистических работ и уже там высказывает свои взгляды на сложившуюся политическую ситуацию, выражает недовольство существующим строем. В статье «Заметка о зданиях» писатель говорит, об «ужасающем пренебрежении властей к народному здоровью» [Цит. по: Базанову 1957: 332]. Лесков продолжит колкие высказывания в сторону правящей верхушки и в последующих своих статьях: «Торговая кабала», «О наёмной зависимости». За целым рядом подобных статей, характеризующихся обличительным пафосом, последовала отставка Лескова с поста криминального следователя.

Лесков приехал в Петербург, где ему была предложена должность редактора газеты «Русская речь», большой город встретил «вчерашнего провинциала водоворотом политических событий, борением идеологических взглядов, страстей» [Коровин 2005: 406]. По мнению В. Коровина, «напряжение общественной атмосферы объяснялось кануном крестьянской реформы и сопутствующим этому обострением борьбы партий либералов и революционер-демократов. Лескову предстояло выбрать, с кем и куда идти» [Коровин 2005: 406].

Приверженность Лескова к одному из двух лагерей всегда оставалась неопределённой. Изначально писатель примкнул к революционному лагерю, но в начале 1860-х годов уже разделял взгляды либералов, однако был убеждён в необходимости крепостной реформы. Он сочувственно относился к жителям русских деревень, к упадническому состоянию их жизни, к несправедливому положению в обществе.

Подобная позиция писателя определила демократический характер его произведений. Все произведения Лескова проникнуты «думой о народе». Несмотря на «великую» симпатию к крестьянскому сословию, «о народе Лесков придерживался понятий достаточно сложных» [Горелов 1988: 93]. Эта сложность проявлялась в двойственности характера русского человека, в «тёмных» и «светлых» сторонах его души. Лесков сочувствовал народу, но при этом находил, за что поругать и в чём обличить.

В 1860-х годах в прозе Лескова появляется герой из народа, олицетворяющий светлый и чистый внутренний мир и моральную силу всех представителей народной среды. В 1863 году Лесков пишет повесть «Житие одной бабы», в которой воплощает свои идеологические позиции.

В повести Лесков отобразил первые изменения, которые произошли в крестьянской среде. Поскольку повесть была написана через два года после проведённой реформы, писатель уже мог объективно проанализировать состоятельность и эффективность этой реформы. На страницах повести разворачивается история простой крестьянской семьи, которая на себе испытала все тяготы крепостничества.

Сюжет повести строится на неоднозначной оценке крестьянской реформы. Лесков демонстрирует жизнь крестьян во временном отрезке ещё до «освобождения», но событийная канва развивается таким образом, что хотя фактически крестьяне «несвободны», но практически мало уже чем обязаны своим господам. Семья крепостных живёт у своего помещика, «жили в господском дворе» [Лесков 1993: 8].

Лесков сразу же на первой странице повести подчёркивает нищенство деревенских, простых людей: «пошла в крепость с нужды горькой, потому что у нас в округе иные вольные в ту пору ещё хуже живали: бедность страшная» [Лесков 1993: 8].

Ещё одна из существенных проблем – это теснота, в которой вынуждены были жить крепостные: «на рюминском дворе всего две избы стояли, и в одной из них жило две семьи, а в другой три» [Лесков 1993: 8]. Затем пространство сужается до внутреннего убранства жилища крепостной семьи, и там мы видим маленькое помещение, которое полностью уставлено различной утварью: «чулан тут у них в сенях был из дощечек отгорожен в уголке; там их рухлядь кое-какая стояла: две, не то три коробки, донца, прялки, тальки, стан, на котором холсты ткут, да веретьё – больше у них ничего не было» [Лесков 1993: 10]. И в этом отрывке вновь Лесков подчёркивает бедность крестьян, делая акцент на фразе «больше ничего не было».

Бедность жизни крестьян описывается на фоне благополучной жизни помещиков. В этом столкновении, в такой явной антитезе прослеживается общественно-критическая позиция Лескова, его призыв к необходимому изменению сложившегося строя.

Противопоставление двух слоёв общества продолжается на всех страницах повести. Лесков изображает крестьян, готовых трудиться на благо своих господ, крестьян, которые не ропщут на свою судьбу. Примечательно однако, что Настя не поет господам свои любимые, душевные песни, если просят, то поёт всем известные, которые «для всех», этим замечанием автор демонстрирует позицию героини, её отношение к помещикам, которых ни Настя, ни писатель не считают нравственными личностями. Этот момент является одним из ключевых, в котором автор мастерски выражает свою позицию, считая крестьян духовно выше правящих ими господ.

Не обходит автор стороной и проблему жестокости помещиков по отношению к крепостным. Эпизод, где Настя плачет в комнате господской дочери, дополняется изображением жестокости барыни: «толкнула Настасью кулаком в спину» [Лесков 1993: 24]. Автор приводит объяснение такому поведению барыни, говоря, что «сызмальства у нас к этой скверности приручаются в дворянском быту» [Лесков 1993: 24]. Этим объяснением доказывается, что крепостное право плохо отражается и на крепостном, и на помещике.

Крепостничество, по мнению писателя, мешает раскрыться богатой душе простого человека. Даже такое трепетное, святое чувство, как любовь, обесценивается в этом мире, полном цинизма: «ну, ишь барыне хочется, чтоб вы поцеловались» [Лесков 1993: 37]. В таком личном, чувственном моменте последнее слово всё равно остаётся за властвующим звеном.

Во второй части повести читатель сталкивается ещё с одним страшным эпизодом, когда барин не отпускает Петрушу на похороны собственной матери по причине того, что он «чиновничьи штаны прожёт» [Лесков 1993: 65].

Важно отметить, что крестьян Лесков не рисует идеализированными, и справедливости ради заметим, что в образной системе встречается крепост-

ной Костя, который по своим внутренним качествам близок больше господам. Тем самым Лесков подчёркивает, что и в среде крестьян встречаются аморальные «герои», но на контрасте с Костей всегда находится благородная Настасья с доброй душой, и автор верит, что большинство крестьян именно такие и к ним эта жизнь несправедлива.

Эти маленькие сюжетные зарисовки нанизываются одна за другой и создают в сознании читателя образ порабощённой души человека. Мир крепостничества Лесков приравнивает к миру бездуховному, незнающему никаких ценностей в жизни, кроме финансового положения, а основное качество, которым можно охарактеризовать помещиков, – это эгоизм.

Таким образом, мы видим, что в повести «Житие одной бабы» Лесков ненавязчиво, но очень точно описал своё отношение к крепостничеству. Автор незамысловатыми сюжетами показывал читателю все негативные стороны данного строя, при этом, не выражая открыто своей авторской оценки, а оставляя за читателем право оценить данный общественный строй.

Несмотря на отсутствие авторского вывода, стоит отметить, что повесть написана уже после проведения реформы, следовательно, Лесков, таким образом, подтверждает не только правильность и необходимость проведения реформы, но и своё отношение к ней.

Рассматривая повесть в контексте крепостной реформы, мы говорим о том, что «Житие одной бабы» явилось откликом на общественно-политические преобразования в обществе. Изображая в своём произведении крепостную деревню, Лесков акцентирует внимание на взаимоотношениях власть имущих и простых людей. В ходе анализа выясняется, что забитое положение крестьян, невозможность жить полноценной, счастливой жизнью является следствием крепостного строя, и поэтому, когда он разрушится, крестьяне смогут насытиться жизнью сполна. Надежда народа усиливается, когда он чувствует немного свободы, пришедшей с реформой. В повести наступившая свобода и удовлетворение ожиданий подчёркивается важным эпизодом в жизни Насти: она вновь начинает петь, она влюбляется, и воз-

возможность любить, возможность чувствовать что-то ещё, кроме страха перед господами, свидетельствуют о возможных переменах.

Следовательно, если время власти помещиков «подходит к концу», повесть должна быть наполнена событиями народной жизни, восхвалениями народа и его нравственным преимуществом перед господами. Действительно, в своём произведении Н.С. Лесков использует обширный материал для описания народной жизни, но, что касается нравственного превосходства, здесь не все так однозначно. Не всегда помещики безнравственны и ужасны по сравнению с крестьянами, некоторые ведут себя так исключительно из-за занимаемого положения. Так, и в среде крестьян не все представляют собой праведного, духовного человека. В этом проявляется двойственность отношения Лескова к своим героям, с одной стороны, миролюбивая и кроткая Настя, с другой – меркантильный и циничный Костик, тем самым автор даёт понять, что сословие не влияет на нравственность человека, а, следовательно, бездуховность – это порок всего общества, а не помещичьего класса. Но не остаётся сомнений, что реформа 1861 года была необходима и в повести этому есть подтверждение, только вот не все крестьяне нуждались в ней в одинаковой мере.

2.2. Проблема жанрового определения произведения, его основной конфликт

«Житие одной бабы» Н.С. Лескова представляет собой сложное, синкретическое произведение. Причина сложности кроется в неоднозначном определении жанра. Учёные-лесковеды долгое время стараются найти единственно верный ответ о жанре «Жития одной бабы».

В современном литературоведении существуют три гипотезы о жанре «Жития одной бабы»: первая была озвучена самим автором в заглавии произведения – «житие»; вторая, так же принадлежит автору, который издаёт

своё произведение в жанре «повести», и третья гипотеза принадлежит поэту и библиографу Лескова П.В. Быкову, который утверждал, что «Житие одной бабы» – «крестьянский роман».

Наименее достоверной, на наш взгляд, является третья гипотеза, так как «крестьянским романом» повесть назвал сам Быков в послесловии ко второму изданию «Жития одной бабы». Лескова к тому моменту уже не было в живых, следовательно, он не мог ни подтвердить, ни опровергнуть данное заключение. Но, по словам Быкова, именно Лесков передал ему новый вариант произведения, который назывался «Ангел в лапоточках. Опыт крестьянского романа», и об этом знал круг друзей писателя: «своему "опыту крестьянского романа" Лесков придавал немалое значение. <...> Собрав однажды тесный кружок литературных друзей, Николай Семёнович прочёл роман и тут же заявил о намерении переделать его коренным образом. Намерение своё Лесков осуществил. Значительно изменив роман, он предполагал выпустить его отдельным изданием, но не решился...» [Цит. по: Эйхенбаум 1957: 502]. Б.М. Эйхенбаум в работе «Комментарии: Н.С. Лесков "Житие одной бабы"» опровергает подобную информацию, учёный не понимает, почему Лесков сам не переиздал повесть, и приводит ряд доводов, опровергающих слова Быкова, заявляя, во-первых, что «местонахождение подаренного Быкову экземпляра неизвестно» и, во-вторых, «никакой серьёзной переделки произведено не было» [Эйхенбаум 1957: 502-503], следовательно, говорить о «Житии одной бабы» как о «крестьянском романе» беспочвенно. Но некоторые исследователи, например, А.В. Иванова, всё-таки считают, что Лесков действительно хотел переиздать повесть, сделать её романом, именно по этой причине в переизданном варианте отсутствуют очерковые элементы. Несмотря на противоречивость мнений, мы можем назвать некоторые черты романа, которые присутствуют в произведении Н.С. Лескова. В «Житии одной бабы» изображается судьба главной героини на фоне общественных событий, формирование характеров героев также объясняется социальной средой. Н.С. Лесков изображает несколько героев, напрямую связанных с ос-

новным ходом сюжета, объясняет их поступки и поведение. На протяжении всего произведения Лесков старается понять психологию главной героини, акцентируя внимание на социальной среде, что также отмечает близость с жанром романа.

Однако наличие очерковых характеристик, о которых говорил Быков, наличие одной основной сюжетной линии больше соответствуют жанру повести. К заглавию повести Лесков добавляет подзаголовок «из гостомельских воспоминаний», что наталкивает читателя на мысль, что в произведении описываются реальные события. Повествование идёт от лица рассказчика, который хорошо знает персонажей, о которых рассказывает, знает традиции и обычаи народа той местности, это ещё раз доказывает реальность этой истории, следовательно, произведение можно считать повествованием из жизни, то есть повестью.

Повесть представляет собой средний эпический жанр. В древнерусской литературе повестью назывались «житийные, новеллистические, агиографические и летописные» [Розенфельд 1935: 19] произведения, в XIX веке содержание повести немного изменилось, повесть стала преимущественным жанром в творчестве авторов-бытописателей, так как основной чертой жанра повести явилась «реалистическая устремлённость, обращённая к современной, зачастую будничной жизни» [Розенфельд 1935: 24]. Сюжетно-композиционная особенность повести заключается в том, что «сюжет сосредоточен вокруг главного героя, личность и судьба которого раскрываются в пределах немногих (нескольких) событий-эпизодов» [Вершинина и др. 2005: 232], а также именно в повестях «раскрывалась национально-историческая проблематика» [Поспелов и др. 1988: 233]. Финал любой повести обычно открытый и дополняется жизнеутверждающими размышлениями рассказчика, при этом в финале раскрывается смысл всего произведения, который и выражается в подобных размышлениях.

Так, в повести «Житие одной бабы» в конце рассказчик ведёт беседу с мальчиком Мишей, сыном барыни, в ходе которой выражается не только

смысл повести, но и позиция автора, которая заключается в том, что после отмены крепостного права народ ждёт благое будущее и что теперь в подрастающем поколении нет разграничений между сословиями.

Небольшой объём, малое количество действующих лиц также приближают жанр произведения к повести.

По нашему мнению, Лесков обозначил своё произведение жанром повести для того, чтобы подчеркнуть, что это «повествование о жизни», поэтому и «повесть о житии», то есть «повесть о жизни» главной героини, о жизни всего русского народа.

Таким образом, мы перешли к третьей гипотезе о жанре произведения, которая гласит, что повесть Лескова – это «житие». Наибольшее количество исследователей являются сторонниками этой гипотезы. Традиционно жития рассказывают о жизни святых. Так, опираясь на традиционное толкование, Н.А. Филатова говорит о правильности определения жанра как жития, и называет «святым» в произведении Лескова Силу Крылушкина. Именно жизнеописание этого героя позволяет отнести произведение к жанру жития. Исследователь отмечает, что «биография купца Крылушкина вполне соотносима с традиционным для агиографии путём раскаявшегося грешника: грех – покаяние – подвиг» [Филатова 2018: 346]. Однако в своей работе Н.А. Филатова говорит о том, что «в древнерусской литературе, наряду с традиционными житиями святых, существуют ещё так называемые «жития великих грешников», возникшие на стыке древнерусской литературы и фольклора» [Филатова 2018: 346]. Следовательно, по мнению учёного, жития могут быть написаны не только о праведных людях, возведённых в ранг святых, но и о тех, кого православная религия признаёт грешником, ведь грешником может быть только православный человек, который, заведомо зная Божьи законы, намеренно нарушает их. Относя произведение Лескова к жанру жития, Н.А. Филатова исходит именно из той позиции, что, помимо праведника Силы Крылушкина, в повести есть и грешники, следовательно, «Житие одной бабы» следует относить к жанру жития.

Позицию о жанровом определении произведения Лескова как жития поддерживает и Н.В. Лукьянчикова, только в её понимании это не традиционный агиографический жанр. Исследователь считает, что в «Житии одной бабы» религиозные мотивы уступают место бытовым, тем самым трансформируется сам жанр жития: «Н.С. Лесков уходит от мистики: не дьявол строит козни человеку, а житейская рутина. Она – то же зло, но десакрализованное, социальное, этически банализированное. «Житие» Лескова – «переводное» с языка христианской мистики на язык житейской обыденности. Именно обыденность противостоит духовному подвигу, а не дьявол» [Лукьянчикова 2008: 118].

О «Житии одной бабы» как об агиографии говорит и А.В. Иванова. Её позиция схожа с позицией Н.В. Лукьянчиковой. Иванова в своей работе высказывает мысль о том, что «Житие одной бабы» – «виртуозная стилизация житийного жанра в контексте житейского» [Иванова 2010: 164]. Свою позицию исследователь подкрепляет рядом положений, в которых анализирует житийные традиции, которые были заимствованы в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы», и делает вывод, что данное произведение характеризуется синкретичностью жанра.

Впрочем, есть исследования, которые опровергают вышеупомянутые мнения и отрицают отнесенность «Жития одной бабы» к агиографическому жанру. Среди приверженцев полярной позиции находится точка зрения Я.А. Семёшкиной. По её мнению, житие – это только «каркас» [Семёшкина 2015: 1] для сюжета и «жанр в данном случае определяет только способ подачи материала, не влияя на внутреннюю структуру произведения» [Семёшкина 2015: 1]. Таким образом, по мнению последнего исследователя, в произведении жанр это вторичное, а первостепенное, то, на что необходимо обращать внимание, – это внутренняя наполненность текста.

Несмотря на последнее суждение, всё же исследователей, относящих «Житие одной бабы» к традиционному жанру агиографии, больше. Поэтому

обозначим основные жанрообразующие характеристики жития в произведении Лескова.

Житийным представляется сюжет произведения. Лесков изображает жизнь главной героини как страдания великой мученицы, и поэтому её жизнь, как и у «святых» из житийной литературы, представляет собой циклическое хождение по мукам.

В лесковских произведениях есть божественный, ангелический образ чистой души, который одухотворяет сюжет произведения, добавляет святости. Это образ господской дочери Маши, ведь именно ей снятся «пророческие» сны как знак святости и связи с Богом, как в житиях святых, в произведении Лескова Машенька во сне видит предначертанное расставание с Настасьёшкой.

Важный аспект житийного жанра – мотив странничества, это основание также присутствует в «Житии одной бабы», где данный мотив связан с образом Силы Крылушкина, который странником проходил страны и лечил там людей. Именно Крылушкин является в «житии» Лескова воплощением духовного идеала, который необходим для агиографического жанра.

Таким образом, мы видим, что достаточно много жанрообразующих элементов было позаимствовано Лесковым у традиционного жанра жития. Тем не менее, есть существенная разница между традиционным и «лесковским» житием. Если традиционное агиографическое произведение предполагает наличие всех особенностей богоизбранности в одном человеке, герое, то у Лескова эти качества разобщены между персонажами. Следовательно, «житие» Лескова представляет собой «житие» всего русского народа, тем самым автор подчёркивает нерушимую духовную силу, живущую в душах русских людей.

Исходя из рассмотренных мнений учёных-лесковедов о специфике жанра «Жития одной бабы», мы относим произведение Н.С. Лескова по сюжетно-композиционным особенностям к жанру повести, а жанр жития представляется нам фабульной основой произведения.

Насколько неоднозначным является определение жанра «Жития одной бабы», настолько сложным является выявление основного конфликта повести.

Мы смеем утверждать, что основной конфликт повести представляет собой внутренний конфликт главной героини, который стал следствием внешних конфликтов, противоречий окружающей действительности.

Настя на протяжении всего произведения переживает сложную психологическую борьбу. Внутри неё постоянно борется открытая, светлая талантливая сторона с замкнутой стороной, возвращенной патриархальной средой.

Настя мечтает жить, как ей хочется, петь, что ей хочется, и любить, кого хочется, но суровый крепостной строй не может позволить ей этого, отсюда вытекает конфликт личности и общества. Трагедия заключается в том, что этот конфликт неразрешим, сама личность ничего не сможет сделать, пока не рухнет установленный государством строй.

В результате в повести показан конфликт и двух сословий: простого народа и помещиков, их конфликт может быть разрешён, но только тогда, когда сменится общественно-политический строй и «властитель душ» перестанет чувствовать за собой власть и вседозволенность.

Ещё одним, не менее важным, конфликтом в повести является семейный конфликт, конфликт брата и сестры – Насти и Кости. Лесковым показана страшная семейная трагедия, брат и сестра имеют противоположные нравственные ценности, и между ними происходит мировоззренческий конфликт, который автор оставляет неразрешённым. Этот конфликт ломает судьбу Насти, которая никак не может себя защитить. Такая пассивность главной героини вновь отсылает нас к существовавшему тогда общественному строю, к тому патриархальному укладу жизни, когда крестьянская женщина ни имеет никакого права вершить самостоятельно свою судьбу.

Таким образом, мы видим, что основной конфликт повести – это внутренний конфликт, в котором реализуются побочные конфликты, тесно переплетающиеся с главным. Следовательно, можно сделать вывод, что в повести

представлены личностный и общественный, внутренний и внешний конфликты, которые вкуче составляют основные коллизии сюжета.

Из всего вышеупомянутого можно заключить, что произведение Лескова «Житие одной бабы» представляет собой сложный, многогранный механизм. Словно калейдоскоп, произведение соединяет в себе полярные жанровые характеристики, объединяет несколько разветвлённых конфликтов. В итоге мы получаем прекрасную, сотканную из всех этих разнородных элементов картинку, причём каждый получает свою картинку, исходя из выбранного жанра и конфликта, а также исходя из своей нравственной «зоркости». В этом заключается уникальность «Жития одной бабы», возможность рассмотреть произведение под разными углами, проанализировать поведение и поступки героев с разных сторон. Но главное, в какую сторону ни поверни этот замысловатый сюжет, фрагменты всегда соединятся так, что первостепенным будет проблема народа и «зрение» читателя будет направлено в глубины крестьянской души.

2.3. Образная система повести

Образная структура повести «Житие одной бабы» интересна тем, что герои, участвующие в развитии действия могут быть разделены на два лагеря: на крепостных и «власть имеющих», на «грешников» и «праведных». Помимо этого, героев произведения можно разделить по их отношению к Насте на тех, кто помогает главной героине, и тех, кто очерняет и осложняет её жизнь.

Возможность многоаспектного рассмотрения образной системы доказывает мастерство Лескова в показе народной личности, души народа.

Мы рассмотрим персонажей повести комплексно: и с точки зрения их сословного положения, и с точки зрения их духовного наполнения (если опираться на жанр жития), и с точки зрения их участия в судьбе Насти, так как судьбы героев обязательно переплетаются с её судьбой.

В центре повести крепостная семья: мать, сыновья и дочь. Семья живёт в постоянном подчинении своим помещикам, живёт небогато, отсюда, постоянное желание старшего ребёнка в семье – Кости – «прыгнуть выше головы», заключить какую-либо выгодную сделку. Для него не существует никаких нравственных ценностей, им движет только меркантильный интерес. Его амбиции и реальное положение несовместимы. Лесков описывает Костю словами «маленький мужичонко» [Лесков 1993: 8], что показывает нам его несостоятельность, даже внешнюю. Он злой и черствый. Его основные черты – это скупость и жадность. Когда жене Костика Алёне необходимо было лечение, он «всё отпирается, что денег нет» [Лесков 1993: 11], то есть чувства любви и заботы он не испытывал ни к кому.

Лесков сравнивает Костика с волком: «держался от семьи, словно волк» [Лесков 1993: 11], такое сравнение показывает, что Костя далёк от своей семьи, духовно с ней не связан, а при этом ещё и все свои финансовые дела ведёт втайне, в одиночку для того, чтобы ни с кем не делить свой доход. Эта отдалённость от семьи и является первопричиной его «грязных» поступков, которые он совершает по отношению к своим родным.

Ради собственного блага он «продаёт» свою сестру в чужой, нежеланный для неё дом барина Прокудина, отдаёт замуж за нелюбимого человека. Костя невероятно груб по отношению к своей сестре, он позволяет себе избивать её, как бы чувствуя над ней власть, тем самым приравнивая себя к другому сословию: «послышалась оглушительная пощечина, вслед за которой что-то ударило в стену и упало» [Лесков 1993: 41]. Он играет в жизни Насти роль злого рока, вечно преследующего её.

Если обратиться к имени героя, то имя Константин имеет в своём значении положительную коннотацию. Константин в переводе с латинского означает «стойкий, постоянный» [Фасмер 1967: 313], следовательно, это человек, который характеризуется постоянством своих поступков. На Руси имя Константин имели верховные правители, святые, почитаемые русской церковью, следо-

вательно, в сознании русского человека имя Константин всегда вызывает позитивные эмоции, но Лесков использует основное значение имени с отрицательной коннотацией: Константин постоянен в своих безнравственных поступках, также автор называет своего героя сокращённо «Костик», тем самым подчёркивая его положение в обществе, демонстрируя, что до Константина ему «не добраться» тем грешным путём, который он выбрал.

Мать – Мавра Петровна, пассивно участвует в жизни своих детей: «ей и в ум не пришло, что Настя этого гугнявого и лопухого смиренника зреть не может» [Лесков 1993: 20]. Беспокоясь о будущем младших сыновей и дочери, мать могла поддержать Настю лишь словом, но всегда указывала дочери, что их жизнь сложная и несправедливая, что нужно всё претерпевать.

Семья помещиков, у которых в закрепощении находилась семья Насти, представляет собой типичных представителей своего сословия, не знающих ни чувства сострадания, ни чувства вины. Барыня без угрызения совести берёт деньги за Настьку и отдаёт её в другой дом. У Лескова этот момент наполнен циничным пафосом: «запросила она за девку шестьдесят пять рублей, а сошлись на сорока, и тем дело покончили, и рукобитье было, и запои» [Лесков 1993: 20]. Единственный светлый и близкий Насте человек из господской семьи – это Маша. Машенька является в повести выразителем Святого Духа на земле. Её ранняя смерть только подчёркивает её веземное предназначение.

Маша была единственной, кому была не безразлична судьба Насти, она понимала все её переживания: в сцене, когда барыня требовала поцелуя Насти с Григорием, маленькая Маша «поднявши высоко над своей головенкой отцовскую палку, готовилась ударить ею второй раз молодого» [Лесков 1993: 37]. Маша единственная, кому были не безразличны чувства людей, возможно, именно поэтому Маша часто была подвержена грубостям своей матери. Символично имя, которое Лесков даёт своей героине и которое автоматически приписывает её к «праведникам». Мария – имя Пресвятой Богоро-

дицы, которая является небесной покровительницей и заступницей всех земных женщин, так и Машенька является у Лескова заступницей Насти.

Семья Прокудиных, куда волею судьбы попала Настя, представляет собой типичную патриархальную семью, в которой каждой новой невестке уготован список обязанностей.

Глава семьи – купец Исая Матвееч Прокудин: «человек пожилой и достаточный» [Лесков 1993: 12], но при этом «тёмный мужик» [Лесков 1993: 12], именно на этом основании он и сошёлся с Костиком в деле.

Прокудин решает выгодно женить своего Григория, который «смирный да непоказной» [Лесков 1993: 18], и выбирает ему в невесты честную девушку Настю. С предложением о свадьбе он обращается к её брату, Косте, завидев, что тот ради своего положения в обществе сделает, что пожелаешь. Прокудина так же, как и остальных героев «грешного» лагеря, не волнуют чувства бедной девушки, потому, когда Настя попала в их семью, он занял позицию наблюдателя и со всем удовольствием не упускал случая указать Насте и другой невестке на недостатки.

Стоит отметить, что Прокудин приверженец «старых» взглядов, несмотря на порабощённое положение женщин в его доме, всегда защищал устои семьи, поэтому, когда Григорий сообщил, что не собирается возвращаться, отец призвал его к ответственности за свою семью и жену. Таким образом, Прокудин в произведении является носителем патриархальных устоев России.

Старшая невестка Домна представляет собой обычную русскую женщину, которая принимает все правила в доме своего мужа, но при этом не боится противостоять своему свёкру. Для Насти она становится земным покровителем на этой «чужой земле» (в доме Прокудиных). Лесков называет Домну «бабой весёлой, доброй и жалостливой» [Лесков 1993: 38].

Образ Григория Прокудина вводится в сюжетную канву произведения после свадьбы. Герой равнодушно относится к своей судьбе, так как он не сопротивляется выбору отца: «его женили, а ему все равно, на ком его жени-

ли» [Лесков 1993: 26]. Лесков описывает Григория отталкивающе, показывая его внешнюю непривлекательность: «несуразный, приземистый, голова какая-то плоская, нос крошечный с пережабиной и говорил гугняво, неприятно. В деревне все считали его дураком, и звали Гришкой-лопоухим» [Лесков 1993: 14]. Такое описание подчёркивает трагизм Настинной судьбы, так, гротескно изображая героя, Лесков добивается эстетической неприязни к нему и чувства жалости в адрес Насти.

Герой выполняет нейтральную функцию в ходе сюжета, он и не замедляет, но и не продвигает его. Отсутствие жизненной позиции, силы воли и собственного мнения приводят Григория к тому, что для своей жены он, хотя и не по собственному стремлению, становится «мученическим путём». Для Насти жизнь с Григорием – самое сложное жизненное испытание. Едва заметно Лесков вводит в сюжет осознание Григорием, что его брак несчастен: эпизод, когда Прокудин читает письмо Григория, где сын говорит о своём намерении остаться жить с другой девушкой. Однако и здесь Григорий проявляет слабохарактерность и возвращается «мучить» Настю. В своей жизни он, ни к чему не приспособленный, похож на опавший листок дерева, вроде как уже остепенился, а всё равно куда дунут, туда и полетит. Эта черта Григория несколько иронично обыгрывается в тексте Лесковым: «насилу его умыли, прибрали и повели с женою в избу» [Лесков 1993: 32].

В образную структуру повести вплетается ещё один сюжетообразующий персонаж – Степан Лябихов. Описание Степана – это антитеза по отношению к описанию Григория. Степан в глазах Насти предстаёт как «статный русский парень, в белой рубашке с красными ластовицами и в высокой шляпе гречишником» [Лесков 1993: 72]. Его образ сразу создаёт аллюзию некоего русского богатыря, примечательно, что только с ним Настя вступила в несловесное общение, они общались пением, тем самым создавалось впечатление, что общались их души.

Степан стал настоящей любовью Настасьи, но при этом он сыграл роль некоего искусителя, который явился причиной её дальнейших бед. В отличие

от Григория он был слишком активен и напорист, это пугало Настасью. Всё же она шла за ним, так как он рождал в её душе светлые, тёплые чувства, которые ей были необходимы, которых она не испытывала ни к кому после смерти матери.

На протяжении всего развития их отношений внутри Насти боролись два чувства: чувство истинной любви и чувство запретной любви, она старалась скрыться от Степана («что ты бежишь?» [Лесков 1993: 80]), но она поддалась чарам его прекрасного голоса, и в конце оба поплатились смертью за «греховное» счастье.

Один из главных героев произведения Лескова – Сила Крылушкин. Именно к нему попадает Настя после сильных душевных потрясений.

Крылушкин появляется во второй части, которая по своему содержанию является ключевой, в ней происходит перерождение главной героини – приход к религии. Всему этому как раз и содействует Сила Крылушкин. Он выступает в роли проводника Насти к религии. Настя впервые исповедуется именно ему. Крылушкин стал её духовным отцом, и ей в его доме было «тихо, мирно» [Лесков 1993: 60]. Врачеватель исцелил Настину душу, вернул её на землю после неземных чувств к Степану. Получается, что Крылушкин является зеркальным отражением Степана в произведении. Они противостоят друг другу как «земное» и «небесное», и в этой схватке побеждает второе как приближённое к Богу, к морали, к истине.

Имя собственное, которым наделяет Лесков своего героя, также о многом говорит. Сила, потому что, как и герои древнерусских былин, как и весь русский народ, лекарь близок русской земле, врос в неё своими народными корнями и лечит людей средствами, которые взрастила матушка-земля. Крылушкин, потому что ведёт праведную жизнь, духовно чист и близок к Богу, отсюда «крылья» как некий атрибут ангела, то есть посланника Божьего на земле. Подтверждением праведной жизни Силы Крылушкина служат его странничества: «он был в Палестине, в Турции, в Соловках, потом жил с каким-то старцем в Грузии и, научившись <...> вернулся в своё запустелое

жилище» [Лесков 1993: 58], его затворнический образ жизни, стремление к лечению, исцелению людей – всё говорит о его святости. После смерти Насти он тоже вскоре умер. По нашему мнению, эта смерть – показатель того, что своё земное предназначение он выполнил и ему некого больше здесь направлять и оберегать.

В эпилоге, который сюжетно представляет собой время после отмены крепостного права, появляется рассказчик, который вновь приехал в свои родные места. Именно в последней структурной части повести читатель знакомится со сказителем этой истории. Рассказчик играет роль объединителя всех героев: он рассказал о всех, кто был в прошлый его приезд, о ком и велось повествование, и в этот приезд он вновь интересуется их жизнью, а также рассказывает о новом герое, который связывает эти две поездки. Это младший брат барской дочери Машеньки Миша, который «учится в губернской гимназии» [Лесков 1993: 115]. Рассказчик заводит с ним разговор о нынешней ситуации в Гостомле, о его отношении к народу. И юный барин говорит, что любит «разумеется. Кто же не любит народа?» [Лесков 1993: 116], затем повествователь и Миша жмут друг другу руки и расстаются приятелями. Важность этого образа, который не связан с основным ходом повествования, а только лишь косвенно соединяется с ним, в том, что в этом мальчике воплотились авторские мечты о равенстве и взаимоуважении сословий. В этой связи нельзя ни согласиться с мнением Д.Б. Терёшкиной о том, что Миша представляет собой духовное возрождение этой земли. После смерти Силы Крылушкина, «подобно своему тезоименитому небесному покровителю – архангелу Михаилу – Миша возвещает мысль о надежде на духовную пищу, которую Господь даст людям» [Терёшкина 2013: 168].

Таким образом, мы можем заключить, что все герои повести организуются вокруг главной героини – Насти Прокудиной, каждый вносит в её жизнь определённый отпечаток: плохой или хороший. Так, к «праведным», несущим только благополучие, следует отнести Мавру Петровну, Домну,

Машу и Силу Крылушкина, а к «грешным», осложняющим жизненный путь Насти – Костика, господ, Прокудина и Григория.

Степан Лябихов – двойственный образ. С одной стороны, он появляется в жизни Насти для того, чтобы осчастливить её, именно с ним Настасья познаёт истинную любовь. С другой стороны, именно Степан становится причиной Настиных бед, которые последуют сразу же после встречи с ним, именно из-за Степана Настя поддаётся греховной любви, изменяет мужу, тем самым Лябихов оказывает негативное влияние на нравственность Настасьи.

Нейтральным по отношению к Настиной судьбе персонажем является Миша, который присутствует в произведении в роли резонёра.

При анализе образной системы в повести «Житие одной бабы» обращает внимание тот факт, что автор не даёт пространных описаний внешности своих героев, когда вводит их в текст повествования. Основная характеристика: это образ жизни, это описание каких-либо поступков персонажа, описание манеры поведения и основных мировоззренческих установок. Таким образом, Лесков старается обратить внимание читателя на самое важное в человеке, на его душу, внутренний мир.

Подводя итоги, важно отметить, что образная система включает в себя героев разных сословий, при этом «отрицательные» персонажи встречаются и в среде крепостных, и среди помещиков. Этот факт подтверждает установку описания народной жизни Лескова, который принял за основу изображение народной жизни такой, какая она есть, не идеализируя её. Этой особенностью и отвечает образная система произведения.

2.4. Настя Прокудина как узловый образ повести. Поэтика заглавия

Сюжетная линия, образная система повести, развитие конфликта – всё сосредоточено вокруг образа Насти Прокудиной.

Появляется Настя сразу в начале повести. Лесков даёт подробное описание её внешности, отмечая, что «собой она была не красавица, никто на

неё не заглядывался <...> высокая была, черноволосая, а глаза чёрные, щёчки румяные, губки розовые; сухошава только была, тем и не нравилась» [Лесков 1993: 9]. Оттого что Настя была худой, прозвали её «Настька-сухопарая» [Лесков: 1993: 9]. Мы видим, что Лесков, описывая Настю, делает акцент на деталях, подчёркивает её внешний облик, но при этом не забывает сказать и о характере: «девка безответная» [Лесков 1993: 10], «добрая и кроткая» [Лесков 1993: 20].

Лесков соотносит внешние и внутренние черты главной героини: «только материнские агатовые глаза горели скрытым внутренним огнём и выражали ту страшную подавленность, которая не давала Насте встать за самое себя» [Лесков 1993: 21]. Это сравнение позволяет понять, что какой бы Настя ни была терпеливой и стойкой, с огнём в глазах, внутри она маленькая, ранимая девочка, которая становится пешкой в игре других людей.

Для автора важно выделить ключевой образ повести, заострить на нём внимание, для того чтобы читатель сконцентрировался именно на этом герое.

Настя Прокудина проявляет себя в разных социальных ролях, она и дочь, и сестра, и крепостная, и жена, и невестка, и затворница, и любовница, и мать. В каждой из ипостаси Настя проявляется с новой стороны.

Как дочь Настя всегда оставалась подле своей матери, боялась остаться без неё, любила мать и была к ней привязана: «"живи – говорит, – матушка! живи ты; <...> я с тобою буду"» [Лесков 1993: 13]. Уйдя из дома, Настасья скучала по матушке, и в последние её дни приехала и была рядом, стараясь исполнять желания матери, то есть исполнила свое земное предназначение дочери.

Как сестра Настя всегда готова была прийти на помощь к своим младшим братьям, а старшего брата Костика она «страсть как боялась» [Лесков 1993: 13] и поэтому соглашалась всегда с его решениями, даже если это испортило ей жизнь. В этом проявляется смиренность Насти, принятие ею своей судьбы.

Настя отличалась трудолюбием, которое характеризует её не только как крестьянскую девушку, но и как крепостную, которая должна была выполнять любую работу: «Настя умела и жать, и гресть за косой, и снопы вязать, и лошадью править, и пеньку мять, прясть, ткать, холсты белить; словом, всю крестьянскую работу знала, и ещё как ловко её справляла, и избы курной она не боялась» [Лесков 1993: 14], и даже «к работе мужичьей она была привычна» [Лесков 1993: 14].

В нелёгком крестьянском труде помощником Насти была песня: «большая она была песельница» [Лесков 1993: 14]. Практически каждое своё действие Настя сопровождала песней: «пойдет <...> за водою к роднику <...> поставит кувшин под жёлоб, да и заведет» [Лесков 1993: 14]. Песней Настя выражала все свои внутренние ощущения. Песня была неотделимой частью её бытия, иногда даже Настя не замечала, «как завела песню и как её кончила» [Лесков 1993: 83]. Но после сватанья Настасья затихла, и не пела душа её. Омрачилась Настя, и не было у неё желания петь, и приближающееся замужество всё больше сковывало её натуру. На свадьбе печальный образ гиперболизируется Лесковым, и Настя «точно как умерла» [Лесков 1993: 26]. Этим сравнением писатель даёт понять, что «умерла» прежняя жизнь Насти, «умерла» и прежняя Настя, душа которой «закаменела» от печали и слёз.

Супружеской жизнь Насти с Григорием трудно назвать. Не было в этой семье ни любви, ни уважения, ни дружеских разговоров. Настя закрылась в себе и «от мужа бегаёт, как чёрт от ладана» [Лесков 1993: 38].

Описывая Настю в момент начала её жизни в доме Прокудиных, Лесков употребляет простой, но точный эпитет «несчастливая Настя» [Лесков 1993: 39], такой она и останется, страдая в браке с нелюбимым мужчиной. Писатель не раз подчёркивает подобное состояние Насти, доказывая, что оно стало для неё единственно возможным: «она была в своём обыкновенном, убитом состоянии» [Лесков 1993: 49].

После того, как Настя стала жить с мужем «как Бог велит» [Лесков 1993: 53], стали происходить с ней странные метаморфозы. Став частью по-

рочного общества, вынужденная идти против душевной воли, Настя стала сходиться с ума, поселился в её душе «дух беспокойный». И именно в этот период в её жизни впервые появляется Сила Крылушкин, и она «примеряет» на себя новую роль – становится затворницей в доме у Крылушкина. Структурно это происходит во второй части произведения. После «ада» в доме мужа она попадает в мир контраста, в мир добра и любви: «что в рай небесный она попала и что уж другого счастья ей никакого не нужно» [Лесков 1993: 60]. Она открывает Силе Крылушкину свою душу, исповедуется ему о своей жизни до и после замужества. Просит его вылечить «от этой грусти» [Лесков 1993: 64], которой для неё стала жизнь.

Когда Настя вспоминает о своей девичьей жизни, она говорит, что тогда «одна была, птичка вольная» [Лесков 1993: 64]. Ведь и в то время Настасья была крепостной, но всё равно чувствовала себя свободно, это была душевная свобода, которую она возвещала в своих песнях, а теперь «где уж петь!» [Лесков 1993: 64].

Этот момент сближает Настю с другим женским образом литературы XIX века, с Катериной Кабановой из пьесы А. Островского «Гроза». Когда Катерина рассказывает о своей прежней жизни, до замужества, Варваре, она также сравнивает себя с птицей: «точно птичка на воле» [Островский 2018: 23], таким образом, подчёркивая свою заключённость в доме супруга. Подобное настроение привело Катерину к желанию вырваться из этой клетки, и она вырвалась, изменив мужу. Судьба Насти складывается идентично судьбе Катерины. Когда в её жизни появляется Степан Лябихов, Настасья примеряет на себя роль любовницы.

Настя и Степан влюбляются, но была ли это настоящая любовь? Или они, как говорил Степан, «оба горькие» [Лесков 1993: 80] и сблизили свои раненные души. Доказательством любви Степана и Насти является их совместный побег, никто не отступил и не струсил. Лесков позволяет своим героям, пусть и недолго, пожить в счастье, за которое вскоре последует расплата.

После их побега сюжет развивается стремительно: тюрьма, ребёнок, смерть Степана и сумасшествие Насти, такой итог уготовил Лесков своим героям.

В сюжет повести вплетается микросюжет, ограниченный рамками: от рождения Настей сына и до его похорон. В этом эпизоде не только описываются чувства Насти, познавшей сразу и счастье и самую большую боль материнства, но и чувства маленького человека, который родился на этот свет с выражением «невыносимой муки» [Лесков 1993: 100], так как ещё до рождения «он делил с матерью её горе и муки» [Лесков 1993: 100].

В этот трудный для Насти период происходит её вторая встреча со своим духовным отцом. Теперь Настя желает навсегда остаться монахиней, но это желание не может быть исполнено, так как слишком много суетного было сделано ей, и её больной душе сначала вновь надо вылечиться.

Итог этих жизненных мучений и скитаний страшен: в финале повести Настя становится «Настасьей - бесноватой» и замерзает в лесу.

Последнее описание Насти очень тонко соотносится Лесковым с начальным описанием её брата Кости. Сравнение с братом просматривается и на формально-выраженном описании её поступков: «пастухи рассказывали, что видели, как она рубашкою ловила на узеньких пережабинах Гостомли мелкую рыбешку <...> а другие уверяли, что Настя ела эту рыбу сырую, даже живую. Совсем она зверёнком стала» [Лесков 1993: 109]. Настя, преданная братом, измученная судьбой, ставшая частью порочного мира, стала ассоциироваться со зверем, так же, как и те, кто её окружали, дикие и бездуховные люди. И автор спасает героиню от бессмысленного бездуховного существования, приводя её к смерти физической.

Образ Насти Прокудиной представлен как центр созданного Лесковым в повести мира, к которому стекаются все герои и вокруг которого разворачиваются все ключевые события. Настина жизнь представляет собой мученический путь, который проверяет её на устойчивость и смиренность. Каждое возникшее на её пути испытание проверяет духовную силу Насти, спо-

способность достойно пережить его, позволяет рассмотреть её личность с оппозиции: «грешная» или «святая».

Это соотношение важно и для раскрытия семантики заглавия повести. Так как «заглавия дают социальную или психологическую интерпретацию поступков героя и направлены на объект изображения» [Растягаев 2005: 14].

Заглавие повести – «Житие одной бабы». Заявленный в названии жанр жития, как мы уже упоминали, предполагает жизнеописание святых, следовательно, мы должны выяснить, чего в Насте больше: греховности или святости и похож ли её жизненный путь на путь к святости, к Богу и с этих позиций рассмотреть поэтику названия повести.

На святость человека традиционно указывают такие специфические черты жизни, как чудесное рождение, испытания, подвижничество, смерть на пути к Богу, посмертные чудеса.

Настасья встречается нам уже в семнадцатилетнем возрасте, о её рождении и детстве ничего неизвестно. В дальнейшем её судьба предстаёт рядом испытаний, которые Настя проходит, но она приносит себя в жертву не Господу, а своему брату, устоявшимся земным правилам. В доме Крылушкина, который олицетворяет веру, Настя не смогла познать религию до конца, стать близкой к Богу, стать монахиней. Осуществить это ей не даёт груз земного прошлого. Таким образом, дом Крылушкина становится местом, где Настя спряталась от ненавистных ей людей и трудностей. Смерть героини – случайность, которая никаких посмертных чудес не приносит. Следовательно, по основным канонам житийной традиции Настя не считается «святой».

Важным аспектом в вопросе по поводу «святости» Насти Прокудиной является описание жизни героини с мужем. На первый взгляд может показаться, что Настины уловки, связанные с плохим самочувствием, нежелание греховной плотской любви с мужем, являются причиной самопожертвования души и тела Богу. Д.Б. Терёшкина проводит аналогию с житийной традицией и приводит в пример тезоименитую Анастасию Узорешительницу, которая хранила «в замужестве девство, ссылаясь на неизлечимую болезнь» [Право-

славная энциклопедия 2000: 260]. Однако если небесная покровительница Насти Прокудиной жертвовала собой в угоду Богу, то жертва героини повести Лескова объяснялась «чувством омерзения к суженому» [Терёшкина 2013: 166]. Позднее Настасья позволит себе эту греховную любовь, совершит грехопадение, но только уже с другим мужчиной, что ещё раз заставит усомниться в её святости.

В этой связи обращает на себя внимание исследование Г.А. Шкута. Два вида любви («грешная» и «праведная»), по мнению Г.А. Шкута, «сопрягаются и с евангельским мотивом ловца человеков (душ), который в прозе Лескова инверсирован: ловцами душ становятся «тёмные бесы» <...> значит, продуцируется картина потери людьми христианского, божественного начала» [Шкута 2010: 318]. В «Житии одной бабы» ловцом душ становится Степан, а духовное составляющее теряет Настасья. Также Г.А. Шкута считает, что Настя стала «подневольной грешницей» [Шкута 2010: 318].

К лагерю «грешных» причисляет Настю также О.А. Васильева. Исследователь в своей работе «"Страдание" в мотивном комплексе повести Н.С. Лескова "Житие одной бабы"» высказывает мысль о том, что Настя согрешила, она «чуяла, что любит Степана и, что его любить не следует» [Васильева 2008: 2], но Васильева подмечает, что «согрешив, она раскаивается и стремится искупить свою вину служением Богу» [Васильева 2008: 3]. Таким образом, называя Настю грешной, исследователь верит в её духовное воскресение.

Но, на наш взгляд, однозначно грешной Настю также нельзя назвать, так как для земной жизни, для той среды, в которой она росла и жила, измена не была чем-то невероятным, жители деревни открыто говорили о них, даже Домна говорит Насте: «Да иди гуляй, Настя. Ведь другие ж гуляют» [Лесков 1993: 69], то есть все вокруг Насти жили по греховным законам. На безгрешность Насти указывает И.В. Поздина: «В образе Насти Прокудиной писатель изобразил земного человека с земными запросами, способного ради этих запросов проявить порыв, по силе подобный праведническому», исследователь

считает, что Н.С. Лесков создал «образ "земной" праведницы» [Поздина 2009:14-15].

Подводя итог размышлений о «грешности» и «святости» Насти, мы можем сказать, что мнения учёных разнятся и однозначного определения духовной составляющей Насти Прокудиной нет. Позиция самого Н.С. Лескова выражена в тексте повести, автор говорит о Настасье, что «была Настя всё та же Евина дочка» [Лесков 1993: 34], то есть Н.С. Лесков сравнивает Настю с первой женщиной-грешницей, тем самым можно сделать вывод, что, по мнению автора, Настя имеет греховную сущность, как и все женщины по христианским канонам. Мы будем придерживаться следующей точки зрения: Настасья Прокудина ни «святая», ни «грешница», она земная девушка, которая живёт по праведным законам, старается чтить и соблюдать все предписанные христианские нормы, которая совершила нравственное падение, изменив мужу, но затем раскаялась и старалась «очиститься» и вновь встать на праведный путь. Исходя из этого, мы делаем вывод, что в произведении представлено не житие Насти Прокудиной, а её биография, история её жизни.

Обращаясь к заглавию, следует отметить, что в нём не называется имя Насти Прокудиной. Отсюда следует, что это даже не история жизни только лишь Насти Прокудиной, это история жизни всех крестьянских женщин в целом. В повести встречаются ещё три русских женщины, чьи судьбы также тяжелы, как и Настина: это Домна, Алёна и жена кузнеца Савелия. Все эти женщины находятся в таких же условиях, живут по патриархальным законам, не имеют той свободы, о которой мечтает Настя.

Жизнь Алёны, жены Кости, отягощена жадностью и грубостью мужа. Она не могла перечить мужу, «всё молчала» [Лесков 1993: 13], так же работала на полях и в доме, то есть ничем не отличалась от других.

Домна, попавшая в семью к Прокудиным, была обременена теми же обязанностями, что и Настя, даже большими, ведь она старшая невестка. По спорам Домны со свёкром было понятно, что живётся ей там так же трудно, как и Насте.

У Авдотьи, жены кузнеца Савелия, тоже судьба была не из лёгких, так же она обстирывала и кормила своего мужа, воспитывала детей, которых было пятеро, но при этом всегда была улыбчива, добра и с мужем почти не ссорилась, возможно, причиной того являлся их уже долгий брак, в ходе которого они научились относиться друг к другу с пониманием.

Мы видим, что судьбы женщин в повести схожи одна с другой, следовательно, говорить об уникальности судьбы Насти Прокудиной нельзя. Лесков обобщает судьбы женщин, говоря, что «у нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит всё, словно каменная» [Лесков 1993: 13]. Лесков затрагивает остросоциальную тему, поднимает проблему несвободы личности, заключения её в строгие рамки.

Таким образом, «Житие одной бабы» представляет собой обобщённую картину о своеобразном биографическом описании типичной жизни девушки из народа.

2.5. Средства изображения народной жизни в повести Н.С. Лескова

Для создания правдоподобного, глубокого и всестороннего образа отдельного человека и всего народа в целом Лесков прочно опирается на фольклор. Такая концепция была избрана писателем, так как ничто не передаёт всей полноты народной картины мира так точно, как элементы устного народного творчества. Русский народ тесно связывал всю свою духовную и бытовую жизнь с фольклором. Поэтому описание народной жизни без обращения к народному творчеству было бы однобоко. Именно фольклорные памятники позволяют понять душу народа, выявить, на что опираются народные обычаи и традиции, найти объяснения особенностям быта.

Панорама народной жизни может быть представлена различными материальными реалиями: одежда, жилище, еда, а также духовными реалиями, собственно предметами фольклора: песни, пословицы, поговорки, сны, обря-

ды, поверья, прозвища и т.д. – то, с помощью чего простой народ познаёт и объясняет окружающее его пространство.

В художественную ткань «Жития одной бабы» Лесков вплетает практически все названные выше фольклорные элементы. Предметы материальной жизни крестьян детально не описаны, что подтверждает специфику изображения народной жизни Лесковым в этой повести: акцент на внутреннем, духовном мире народа.

Самый весомый и частотный жанр фольклора, представленный в повести, – песня. Песня является транслятором всех основных чувств и переживаний главных героев, она также становится одной из черт в характеристике образов Насти Прокудиной и Степана.

Русская народная песня представлена уже в эпиграфе и задаёт настроение, которое становится лейтмотивным для всего сюжета. Особенно важно, что песня, представленная в самом начале произведения, является предвестником трагического финала повести:

Ивушка, ивушка,
Ракитовый кусток!
Что же ты, ивушка,
Не зелена стоишь?
— Как же мне, ивушке,
Зелёной быть?
Срубили ивушку
Под самый корешок [Лесков 1993: 8].

Судьба ивушки в песне прямо пропорциональна судьбе Насти Прокудиной, которую «срубили», отдав за нелюбимого человека.

В повести представлены лирические песни, жанровая черта которых – «наличие <...> сюжетной структуры, единицей которой является мотив как первоэлемент сюжета» [Поздина 2011: 74]. Исходя из этих особенностей, можем заключить, что песни, использованные Лесковым в произведении, представляют собой самостоятельные сюжеты, выполняющие вспомога-

ную функцию: мотивы каждой песни переносятся в общий сюжет, поддерживая основной тон произведения.

Песня в повести, прежде всего, связана с образами Насти и Степана и является «магнитом», который способствует их притяжению друг к другу. Неоднократно оговаривается значение песни в жизни Насти Прокудиной: она «песню любила из сердца. <...> Большая она песельница была» [Лесков 1993: 14], то есть подчёркивается, что Настасья любила петь, любила душевные песни, пела, когда была одна, давая волю своим чувствам. Песня сопровождала героиню и во время работы: «пойдёт, бывало, за водою к роднику, <...> поставит кувшины под желоб, да и заведёт» [Лесков 1993: 14], и во время горестных размышлений и душевных волнений.

Песни также сопровождают обрядовые действия в повести. Важно отметить, что в момент, когда Настю девушки «провожают» замуж и заливаются весёлыми и обрядовыми песнями, сама Настя не поёт, а после свадьбы она окончательно «замолчит». Эта деталь доказывает, что если песня является выразителем души народа, то, следовательно, Настина душа в тот момент была «умершей».

Песня «возвращается» в сюжетную структуру произведения в момент, когда Настя оказывается в доме Силы Крылушкина. Сила Иванович поёт и отмечает уникальность русской народной песни: «наша песня такая сердечная, что и нигде ты другой такой не сыщешь» [Лесков 1993: 63].

Песня связана и с образом Степана. Его песни выходят на первый план даже раньше, чем он сам появляется в тексте, выступая в повести средством создания портрета героя.

Песня «Мне не спится, не ложится...», которую впервые мы слышим от Степана, предвосхищает картину последующих событий. В ней герой поёт о любимой, которую не знает, где искать, и эту песню слышит впервые Настя, которая также думает о том, что «пойти б тому одному человеку до другого, да... не знает он, где живёт этот другой человек, что ждёт к себе другого че-

ловека» [Лесков 1993: 71]. В этот момент, с этой песни, зарождается история взаимоотношений Насти и Степана.

Также из песни Лябихова мы узнаём о его семейной жизни, о его непростой судьбе: «она, шельма, промолчала <...> хотя ж хоть и дома, / Лежит, что корова, / Оттопырит свои губы, / Поцелует, как не люди... » [Лесков 1993: 75], именно песня даёт нам полную характеристику этого героя.

Знакомство Насти и Степана заканчивается совместным пением, свидетельствующим о том, что Настина душа вновь готова петь, вновь расцвела:

Сострой, милый, терем

Из маковых зёрен,

Были б двери, каравати.

Можно б там приятно спать

С тобой, милый мой! [Лесков 1993: 78].

В этой песне выражаются мечты крепостной Насти о своём доме, о счастье, её признание в любви.

И вновь песня заняла ведущее положение в повести, стала символом любви, выражала тонкую связующую нить между двумя влюблёнными. Настя пела песни Степана, Степан магическим образом отзывался на эти песни: «на лугу с самого берега Гостомли слышалась другая песня <...> она узнала знакомый голос» [Лесков 1993: 83].

После того, как герои свою духовную связь осквернили плотской, их «певчие» голоса замолчали навсегда. Теперь их души «погибли» вместе от тех трудностей и невзгод, которые они сами себя создали: «срубили ивушку».

Анализ использованных Лесковым песен позволяет сделать вывод о том, что в повести «Житие одной бабы» народная песня является идеологическим рупором жизни народа. В песнях отражаются бытовые реалии, душевные переживания русского народа. Так песня гармонично включилась в общий ход повествования и стала важным средством для описания народной жизни.

Вторым по значимости средством характеристики народа в повести стали пословицы и поговорки. Паремии являются ценными хранителями вековых традиций народа. Эта мысль находит подтверждение в работах Ф.И. Буслаева. Учёный утверждал, что пословицы необходимо «рассматривать как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы» [Цит. по: Квициния 2016: 28].

На страницах повести Лескова пословицы и поговорки перемежаются с общим ходом событий, придавая ему динамизм и правдоподобие. Паремические выражения, которые высказывают герои повести, создают в сознании читателя представление о гостомельской общине, об особенностях мировосприятия её жителей.

Например, жители деревни так говорят о себе: «А у нас народ тёплый, "в глазах деревня сгорит"» [Лесков 1993: 10], то есть поговорка выступает средством обрисовки совокупного образа народа. Эта поговорка метафорична, теплота народа заключается в его тёплой, горячей и открытой душе, которая отражается в глазах людей.

Пословицами в повести объяснялись мотивы поступков: «часто по его делала "абы лихо спало тихо"» [Лесков 1993: 13], «тукманку дать девке или своему родному дитяти ей было нипочём. <...> "не бить – добра не видать"» [Лесков 1993: 25], то есть народ так делал, потому что истина эта испокон веков в пословицах передаётся, следовательно, придумывать, что-то новое не имеет смысла. Пословицами выражается народная мудрость о воспитании детей, которая читается гостомельскими семьями: «учи, пока впоперёк лавки укладывается, а как вдоль станет ложиться, – не выучишь» [Лесков 1993: 25].

Значения паремий в повести соприкасаются и с религией, таким образом, можно наблюдать связь в народном сознании бытового и духовного: «не так живи, как хочется, а так, как Бог велит» [Лесков 1993: 31].

Благодаря пословицам Лескову удаётся показать тонкую связующую нить одного поколения народа с другим, доказать преемственность традиций, которая свойственна в большей степени людям из народа.

Своеобразно Лесков вводит в своё произведение обрядовые действия. Обряд как жанр фольклора имеет определённую коннотацию, композицию и тематику.

В повести «Житие одной бабы» представлен «свадебный обряд», который имеет традиционную внешнюю установку, но смысловая наполненность расходится с народной традицией.

М.Г. Рябинович выделяет основные этапы свадебного обряда, которые являлись традиционными и соблюдались в любой русской деревне:

– первый этап: «сватовство», «сговор», «смотрины», далее «свадебные чины» – эти ступени представляют собой договорные, предсвадебные встречи;

– второй этап: «первый день свадьбы», «народный обряд», далее «венчание», «пир», «брачная ночь»;

– конец складывается из послесвадебных гуляний, именуемых вторым и третьим днём свадьбы [Рябинович 1978: 12-20].

Структурные компоненты обрядового действия народной свадьбы, представленные Рябиновичем, воплотились и в повести Лескова. Однако, по мнению А.Д. Колосовой, «некоторые из них замещены утрированными аналогами» [Колосова 2017: 225]. Например, этап сватовства в тексте представлен диалогом брата Насти и Прокудина, где всё решается молниеносно, без всяких намёков на традицию. Свадебный «поезд» в дом барина Насти заменяет традиционный «поезд» к родителям невесты, этим изменённым этапом подчёркивается общественно-политическая ситуация того времени, установленные крепостнические порядки. Необходимо отметить, что в целом всё описание обрядового таинства Насти и Григория Прокудиных у Лескова представлено с нетрадиционной коннотацией. Смысл, который вкладывается в каждый этап, выражает определённую характеристику личности героя, и проис-

ходит отсылка к той России, в которой традиции были не всегда состоятельны. Само венчание, свадебный пир и брачная ночь у Лескова описаны наиболее развёрнуто и характеризуют душевное состояние главной героини в тот момент: «не свадьба это была, а похороны» [Лесков 1993: 26], то есть один традиционный жанр подменяется другим, который абсолютно противоположен в эмоциональном состоянии. Приравнивая два противопоставленных друг другу события в жизни человека, автор изображает трагизм судьбы Насти Прокудиной. Насте не весело на своей свадьбе, она безразлична к новоиспеченному мужу, а брачную ночь, вопреки традициям, проводит в углу, спрятавшись от подвыпившего жениха.

В повести также описываются святочные, рождественские обряды. Во время святок все девушки пели, гадали на суженого и на свою будущую семью, так и гостомельские «девки» не нарушали этой традиции.

Одними из самых магических фольклорных элементов, встречаемых в повести Лескова, являются сны и поверья. Русский человек всегда относился серьёзно к предзнаменованиям и боялся сна как предначертания будущего.

В тексте повести сон упоминается лишь один раз. Он снится Маше, которая, проснувшись от испуга, пересказывает его Настасье, которая соотносит его значение со своей судьбой.

На страницах повести встречаются и народные поверья, которые выполняют миссию некоего предвестника чего-то недоброго, так как в фольклорной традиции всё это представляет собой нечто мистическое, дьявольское и несёт несчастья. Например, жена Прокудина говорит: «Каша ушла из горшка, это хуже всего. <...> Это уж непременно кто-нибудь уйдёт из дому» [Лесков 1993: 87].

Особенность народных поверий в том, что какие-либо бытовые неурядицы наполняются глубокой семантикой. Следовательно, любая жизненная ситуация может быть трансформирована человеком в поверье, которое наполняется какой-либо коннотацией.

Средством обрисовки персонажей в повести Лескова являются и прозвища. Это отличительный знак народной среды, где каждый человек получает всеобщее принятое «второе имя», которое соотносится или с его родом деятельности, или с физиологическими особенностями, или же даётся ему по совершаемым поступкам, таким образом народ оценивает друг друга.

В повести «Житие одной бабы» встречаются такие прозвища, как «Настька-сухопарая» [Лесков 1993: 9], потому что героиня худая; «Гришка-жулястый» [Лесков 1993: 9], обличается его способность к обману; «Аленка-брюхастая» [Лесков 1993: 9], Гришка-лопоухий» [Лесков 1993: 14] – вновь подмечаются какие-либо яркие внешние особенности.

Обобщая значение элементов устного народного творчества в контексте повести «Житие одной бабы» Лескова, можно сказать, что все жанры, использовавшиеся писателем, были необходимы для создания полной картины жизни народа, отражения его мировоззренческих установок.

Лесков мастерски изобразил народную жизнь, акцентируя внимание на преемственности традиций, гармонично использовал фольклорные жанры как средство изображения и обрисовки жизни героев и их душевных трагедий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Н.С. Лесков был уникальным писателем для своего времени, его творческая индивидуальность выражена отношением к общественно-политическим ситуациям того времени. Он «дерзко шел против течений, когда другие плыли по течению» [Аннинский 1986: 9]. Возможно, поэтому он подвергался различным литературным нападкам и не был по достоинству оценен в своё время. Но его творческий талант, его стойкая позиция способствовали созданию гениальнейших произведений.

Наша выпускная квалификационная работа была направлена на изучение изображения народной жизни в произведении Н.С. Лескова «Житие одной бабы».

Исходя из заявленной цели и сформулированных задач, мы исследовали повесть «Житие одной бабы» многоаспектно, рассматривая место повести в контексте произведений о народной жизни, а также анализируя внутреннюю организацию повести, акцентируя внимание на приёмах описания жизни народа. К описанию жизни народа Лесков подошёл с двух сторон: со стороны их социального положения и со стороны их бытового и духовно мира.

В «Житии одной бабы» рисуется жизнь крепостного народа.

Рассматривая специфику изображения народной жизни в повести Лескова, мы обратились к анализу конфликта, жанровых особенностей, образной системы произведения.

В ходе проведённого исследования мы пришли к выводу о том, что «Житие одной бабы» относится к жанру повести, так как каноны житийной традиции в повести не соблюдены. Перед нами повесть, в которой Н.С. Лесков рассказывает о жизни народа Гостомли, его законах, традициях, верованиях и переживаниях.

Мы также предположили, что конфликт в повести носит внутренний характер, но он обусловлен общественно-политической ситуацией в стране,

правляющим строем и связан с образом Насти, которая олицетворяет собой типичную русскую крестьянку, её сложную судьбу.

Система образов повести сосредоточена также вокруг образа Насти Прокудиной и не только служит раскрытию характера героини, но и подтверждает типичность её судьбы. Образная система повести представляет собой совокупность различных характеров, которые встречаются и в народной, и в помещичьей среде. Характеры в повести делятся на «положительные» и «отрицательные», рассматриваются с точки зрения «святости» и «грешности». Мы наблюдаем, как герои Лескова видят свою жизнь, ведут себя в быту, как относятся к общечеловеческим ценностям: любви, семье, смерти, религии; какие традиции исповедуют, как объясняют те или иные поступки.

Приёмами описания и выражения мировоззренческих установок русского народа стали фольклорные жанры, в числе которых паремии, песни, обряды и сны. Лесков наполняет своё произведение элементами фольклора, так как фольклор неотделим от народа, он есть порождение его сознания, поэтому писатель, как настоящий мастер художественного слова и знаток народной жизни, не мог не воспользоваться таким ценным пластом памятников народного коллективного творчества.

Знания в области быта и традиций народных поселений помогли Лескову создать полномасштабную картину народной жизни, объективно рассмотреть личностные качества героев, опираясь на общественно-политическую ситуацию и народные традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ангелова Н.В. Тайна русского характера: произведения Н.С. Лескова 1880-1890-х годов [Текст]: монография / Н.В. Ангелова. – Мичуринск: МичГАУ, 2007. – 90 с.
2. Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье [Текст] / Л.А. Аннинский. – М.: Книга, 1986. – 306 с.
3. Аннинский Л.А. Три еретика. Повести о А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове [Текст]: монография / Л.А. Аннинский. – М.: Книга, 1988. – 352 с.
4. Бабореко А.К. Записки охотника [Текст] / А.К. Бабореко // Творчество И.С. Тургенева: сб. ст. / ред. С.М. Петрова. – М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. – 576 с.
5. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии [Текст] / В.Г. Белинский // Собрание сочинений в 9 т. – Т. 4. – М.: Художественная литература, 1979. – 654 с.
6. Беседина Т.А. Эпопея народной жизни. «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова [Текст]: монография / Т.А. Беседина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 217 с.
7. Васильева О.В. «Страдание» в мотивном комплексе повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» [Текст] / О.В. Васильева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2008. – №3. – С. 221-225.
8. Введение в литературоведение [Текст]: учеб. / Н.Л. Вершинина [и др.]; отв. ред. Л.М. Крупчанова. – М.: Изд-во Оникс, 2005. – 416 с.
9. Введение в литературоведение [Текст]: учеб. для филол. спец. ун-ов. / ред. Г.Н. Поспелов. – М.: Высш. Шк., 1988. – 528 с.
10. Видуэцкая И.П. Николай Семёнович Лесков [Текст] / И.П. Видуэцкая. – М.: Знание, 1979. – 64 с.

11. Гебель В.А. Лесков [Текст] / В.А. Гебель // История русской литературы: в 10 т. / Ред. Б.И. Бурсов. – Т. 9.– М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 533 с.
12. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура [Текст]: монография / А.А. Горелов. – Л.: Наука, 1988. – 296 с.
13. Гримстад К.А. Полиэтничность как религиозная проблема в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова [Текст] / К.А. Гримстад // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – №5. – С. 454-461.
14. Громов П. Н.С. Лесков (Очерк творчества) [Текст]: собр. сочинений в 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова [и др.]. – Т.1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 5-59.
15. Дергачёв И.А. Эпос народной жизни в творчестве Н.С. Лескова [Текст] / И.А. Дергачёв // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14-16 октября 1998. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1988. – 316 с.
16. Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова: поэтика отражений Н.С. Лескова [Текст]: монография / Б.С. Дыханова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – 204 с.
17. Добролюбов Н.А. Избранное. Литературная критика. Стихи. Воспоминания современников [Текст] / Н.А. Добролюбов. – М.: Правда, 1985. – 544 с.
18. Иванова А.В. К вопросу изучения жанровых особенностей прозы Н.С. Лескова в старших классах (на примере повести «Житие одной бабы») [Текст] / А.В. Иванова // Проблемы и перспективы развития образования в России. – Новосибирск: ООО Центр развития научного сотрудничества, 2010. – №6. – С. 164 -167.
19. История русской литературы XIX века [Текст]: в 3-х ч. Ч.3. (1870-1890 годы): учеб. для вузов / А.П. Ауэр [и др.]; под ред. В.И. Коровина. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 543 с.

20. История русской литературы [Текст]: в 4-х т. / Под. ред. Н.И. Пруцкова. – Т. 3. – СПб.: «Наука», 1982. – 877 с.
21. Квиниция М.Б. Архаические словесные формы рефлексирования абхазов [Текст] / М.Б. Квиниция // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Сухум: Абхазский государственный университет, 2016. – №2 (36). – С. 27-33.
22. Колосова А.Д. Художественная роль свадебного обряда в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» [Текст] / А.Д. Колосова // Littera Terra: материалы VI Международной конференции молодых учёных. Ред. И.А. Семухина. – Екатеринбург: изд-во [б.и.], 2017. – 295 с.
23. Лебедев Ю.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева [Текст] / Ю.В. Лебедев. – М.: Просвещение, 1977. – 80 с.
24. Левин Ш.М. Шестидесятые годы (XIX века) [Текст] / Ш.М. Левин, А.И. Батюто // История русской литературы: в 10 т./ Ред. Б.И. Бурсов. – Т. 8. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 533 с.
25. Лесков Н.С. Избранные сочинения [Текст] / Н.С. Лесков. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1946. – 462 с.
26. Лесков Н.С. Очарованный странник. Левша. Соборяне [Текст] / Н.С. Лесков. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 608 с.
27. Лесков Н.С. Повести [Текст] / Н.С. Лесков // сер. «Русская классика о любви». – М.: Изд-во Русанова, 1993. – 464 с.
28. Лесков Н.С. Повести. Рассказы. [Текст] / Н.С. Лесков. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 448 с.
29. Лесков Н.С. Собрание сочинений [Текст]: в 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова [и др.]. – Т.7. – М.: Художественная литература, 1957. – 570 с.
30. Лукьянчикова Н.В. Жанровая специфика жития в художественном осмыслении Н.С. Лескова [Текст] / Н.В. Лукьянчикова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – №8: в 2-х ч. Ч.1. – С. 117-120.

31. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем [Текст]: в 15 т. / Н.А. Некрасов. – Т.3. – Л.: Наука, 1981. – 511 с.
32. Орлов П.А. История русской литературы XVIII в. [Текст]: учеб. для ун-ов. / П.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – 320 с.
33. Островский А.Н. Гроза. [Бесприданница; Доходное место]: пьесы [Текст] / А.Н. Островский. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 320 с.
34. Поздина И.В. Жанровая специфика прозы Н.С. Лескова [Текст]: монография / И.В. Поздина. – Челябинск: Изд-во Челяб.гос. пед. ун-та, 2011. – 198 с.
35. Православная энциклопедия [Текст]: В 20 т./ Коллектив авторов. – Т.2. – М.: Церковно-научный центр Русской Православной церкви «Православная энциклопедия», 2001. – 752 с.
36. Растягаев А.В. Поэтика заглавия «Житие одной бабы» Н.С. Лескова [Текст] / А.В. Растягаев // Русская словесность. – 2005. – №17. – С. 14 - 17.
37. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву [Текст] / А.Н. Радищев. – М.: Детская литература, 2002. – 348 с.
38. Розенфельд Б. Повесть [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: в 11 т. – Т.9. – М.: ОГИЗ РСФСР, «Советская энциклопедия», 1935. – С. 18-27. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> – 19.05.2019.
39. Рябинович М.Г. Свадьба в русском городе XVI в. [Текст] / М.Г. Рябинович // Русский народный свадебный обряд / ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштам. – Л.: Наука, 1978. – С. 7-37.
40. Семёшкина Я.А. Агиографический аспект в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» [Текст] / Я.А. Семёшкина // Пятый этаж: сб. научных статей молодых учёных. – Барнаул: алтайский гос. пед. ун-т., 2015. – 220 с.
41. Степанов Н.Л. Гоголь [Текст] / Н.Л. Степанов // История русской литературы: в 10 т. / Ред. Б.П. Городецкий – Т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 784 с.

42. Столярова И.В. Н.С. Лесков [Текст] / И.В. Столярова // История русской литературы: в 4 т. – Т.3. – Л.: Наука, 1982. – 878 с.
43. Терёшкина Д.Б. Энергичная интерференция имени в «Житии одной бабы» Н.С. Лескова [Текст] / Д.Б. Терёшкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород: ННГУ, 2013. – №4. – С. 165-169.
44. Троицкий В.Ю. Творчество Лескова и пути развития русской литературы [Текст] / В.Ю. Троицкий // *Revue des Etudes Slaves*. Tome cinquante – huitième. Nicolay Semenovitch Leskov. – Париж, 1986. – С. 401-412.
45. Успенский Н.В. Хорошее житье: Рассказы, повести [Текст] / Н.В. Успенский. – Красноярск: Кн. изд-во, 1987. – 352 с.
46. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер. – Т.2. – М.: Прогресс, 1987. – 671 с.
47. Филатова Н.А. Формы обращения Н.С. Лескова к древнерусским литературным источникам в повести «Житие одной бабы» [Текст] / Н.А. Филатова // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Перо, 2018. – 379 с.
48. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики [Текст] / В.Е. Хализев. – М.: Гнозис, 2005. – 432 с.
49. Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений [Текст]: в 5 т. / Н.Г. Чернышевский. – Т.3. Литературная критика. – М.: Правда, 1974. – 1207 с.
50. Шкута Г.А. Мотив грешной и праведной любви в творчестве Н.С. Лескова / Г.А. Шкута // Лесковиана. – Т.3: Творчество Н.С. Лескова в современном изучении: международный сборник научных трудов: материалы третьей международной научной конференции / ред. Д.В. Неустроев. – Орёл: НИП «ВФК», 2010. – 336 с.
51. Эйхенбаум Б.М. Комментарии: Н.С. Лесков. «Житие одной бабы» [Текст]: собр. сочинений в 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова [и др.]. – Т.1. – М.: ГИХЛ, 1957. – 573 с.